

КРУГ ЧТЕНИЯ

Элиф ШАФАК

Честь

Роман

Элиф Шафак – удивительная писательница.
Она с поразительным умением исследует самые
темные стороны верности и любви.

The Telegraph

Элиф Шафак

Честь

«Азбука-Аттикус»

2012

Шафак Э.

Честь / Э. Шафак — «Азбука-Аттикус», 2012

ISBN 978-5-389-09029-3

Турецкая писательница Элиф Шафак получила международное признание трогательными романами о любви и непонимании, в которых сплелись воедино мотивы Востока и Запада. Две сестры-близнеца родились в селе на границе Турции и Сирии, где девушек ценят за чистоту и послушание, где неподобающее поведение женщин может послужить поводом для убийства во имя чести. Ведь честь зачастую – это единственное, что осталось у мужчины-бедняка. Одна из сестер – Джамиля – становится местной повитухой, а вторая – Пимби – выходит замуж и уезжает с мужем в Лондон. Но жизнь в Англии не складывается. Эдим, муж Пимби, уходит от нее. От одиночества и неустроенности Пимби бросается в объятия другого мужчины. И ставший после ухода отца старшим в семье, сын героини Искендер понимает, что должен вступить за честь семьи. Но понимает он и то, что может причинить боль человеку, которого любит всем сердцем... Впервые на русском языке!

ISBN 978-5-389-09029-3

© Шафак Э., 2012
© Азбука-Аттикус, 2012

Содержание

Эсма	6
Имена, сладкие, как сахар	9
Разные цвета	12
Аскандер... Аскандер	18
Султан на дереве	24
Фонтан желаний	28
Воспоминания	33
Пикник с барбекю	42
Клочок правды	46
Страшная клятва	48
Эсма	57
Коробка пахлавы	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Элиф Шафак

Честь

Когда мне было семь лет, мы жили в маленьком зеленом домике. Один из наших соседей, отличный портной, часто бил жену. По вечерам до нас доносились крики, визг и проклятия. Утром мы приступали к своим обычным делам. Все делали вид, что накануне ничего не слышали, ничего не видели.

Эта книга посвящена тем, кто слышит и видит.

Сколько себя помнил, он представлял самого себя принцем, полновластным правителем дома, а свою мать — собственной телохранительницей и защитницей, неизменно исполненной забот и тревог.

Дж. М. Кутзее. Детство: Сцены из провинциальной жизни

Elif Shafak

HONOUR

Copyright © Elif Shafak, 2012

All rights reserved

This edition by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency

LLC

© Е. Большелапова, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

Эсма

Лондон, 12 сентября 1992 года

Моя мать умерла дважды. Я обещала себе сделать все, чтобы история ее жизни не была забыта. Но до сих пор у меня не хватало времени, не хватало смелости, не хватало силы воли, чтобы написать об этом. К тому же еще совсем недавно я вовсе не была уверена, что когда-нибудь стану настоящим писателем. Теперь все иначе. С возрастом начинаешь сознавать, что твои возможности далеко не безграничны, и спокойнее относиться к собственным неудачам. Но мне было необходимо рассказать историю своей матери, пусть даже одному-единственному человеку. Я должна была поведать обо всем миру, отправить историю маминной жизни в свободное плавание, дабы она могла парить в каком-нибудь бесконечно далеком от нас уголке вселенной. Я должна была выпустить ее на свободу. Выполнить долг перед мамой. И закончить надо было именно в этом году. Прежде чем он выйдет из тюрьмы.

Через несколько часов я сниму с плиты миску с халвой из кунжута, оставляю ее остывать возле раковины и поцелую мужа, делая вид, что не замечаю тревогу в его глазах. Потом посажу в машину своих дочерей-двойняшек – они появились на свет семь лет назад с разницей в четыре минуты – и отвезу их на день рождения к подружке. По дороге они начнут бурно выяснять отношения, но на этот раз я не стану вмешиваться. Наверняка обе будут гадать, будет ли на дне рождения клоун, а еще лучше – фокусник.

– Как Гарри Гудини, – скажу я.

– Какой-какой Гарри?

– Мама же сказала, Гатини! Ты что, глухая?

– А кто это, мама?

Я почувствую боль. Острую, как укус пчелы. Но не поверхностную, а где-то глубоко-глубоко внутри. Я в очередной раз осознаю, что мои дети ничего не знают об истории своей семьи. Не знают, потому что я слишком мало им рассказывала. Пока они к этому не готовы. И я тоже. Но настанет день, когда все изменится.

Доставив девочек, я немного поболтаю с другими матерями. Напомню маме именинницы, что у одной из моих дочерей аллергия на орехи. Но постороннему человеку трудно понять, кто из них кто, поэтому проще следить, чтобы обе не ели ничего, где могут оказаться орехи, включая именинный торт. Конечно, немного несправедливая мера по отношению к той, у которой аллергии нет. Но когда растишь близнецов, этого никак нельзя избежать. Маленьких несправедливостей, я имею в виду.

После я вернусь к своей машине, красной «остин-монтего», которой мы с мужем пользуемся по очереди. Дорога от Лондона до Шрусбери занимает три с половиной часа. Скорее всего, где-то около Бирмингема мне придется заехать на заправку. Я включу в машине радио – ведь музыка помогает отогнать призраков.

Я бесконечное множество раз мечтала, как убью его. Строила хитроумные планы, в которых расправлялась с ним с помощью револьвера или яда. Но больше всего мне нравилось представлять, как я убиваю его ударом ножа с выкидным лезвием, одним стремительным взмахом восстанавливая справедливость. Не менее часто я мечтала, как прошу его, искренне и бесповоротно. Впрочем, ни одному из этих мечтаний не суждено было сбыться.

* * *

Добравшись наконец до Шрусбери, я оставляю машину напротив вокзала, пять минут пройду пешком и окажусь напротив мрачного здания тюрьмы. В ожидании его выхода я,

наверное, буду ходить взад и вперед по улице или стоять, прислонившись к стене. Не знаю, как долго придется ждать. Не представляю, какова будет его реакция, когда он увидит меня. Я не навещала его больше года. Раньше я делала это регулярно, но, когда до освобождения оставалось уже немного, перестала к нему приезжать.

Настанет момент, когда тяжелая дверь распахнется и он выйдет на улицу. Первым делом посмотрит на затянутое тучами небо. За четырнадцать лет, проведенных в камере, он отвык видеть небесный простор над своей головой. Возможно, он даже заморгает, подобно всем детям тьмы, не привыкшим к дневному свету. Я тем временем буду молча стоять в стороне и считать до десяти, или до ста, или даже до трех тысяч. Мы не станем обниматься. Не станем пожимать друг другу руки. Мы ограничимся едва заметными кивками и едва слышными, сдавленными приветствиями. Когда мы дойдем до вокзала, он ловко прыгнет в машину. Про себя я с удивлением отмечу, что он в прекрасной физической форме. В конце концов, он по-прежнему молодой мужчина.

Если он захочет закурить, я не стану возражать, хотя ненавижу сигаретный дым и запрещаю мужу курить в машине и дома. Мы двинемся в путь по сельской местности, мимо сочных лугов и бескрайних полей. Думаю, он будет расспрашивать меня о детях. Я расскажу, какие замечательные у меня дочки и как они быстро растут. Он улыбнется, хотя понятия не имеет о том, что значит быть родителем. Я, в свою очередь, не стану задавать ему никаких вопросов.

Вместо этого я поставлю кассету с золотыми хитами группы «ABBA». Эти песни мама всегда напевала, когда готовила, убирала или шила. «Take a Chance on Me», «Mamma Mia», «Dancing Queen», «The Name of the Game». Уверена, в этот момент мама будет наблюдать за нами. Матери после смерти не возносятся на небеса. Бог дает им особое разрешение еще какое-то время оставаться рядом с детьми и присматривать за ними – и не важно, каковы были их взаимоотношения в течение столь короткой земной жизни.

Когда мы вернемся в Лондон, я, сердито бормоча себе под нос, буду долго искать место для парковки на Барнсбери-сквер. Вполне вероятно, начнется дождь, мелкий, моросящий. В конце концов мы отыщем свободное место, и я втиснусь в него путем долгих и сложных маневров. Я пребываю в плену самообмана, считая себя хорошим водителем, но, когда дело доходит до парковки, иллюзия моментально развеивается. Возможно, он даже станет насмехаться над моей чисто женской манерой вождения. Раньше он не упускал случая съязвить по этому поводу.

Мы пойдем к дому по тихой, ярко освещенной улице, невольно сравнивая окружающий пейзаж с тем, что остался в памяти о нашем старом доме в Хакни, на Лавендер-гроув. Поразительно, как быстро мчится время и как все меняется, в то время как мы остаемся прежними.

Дома мы снимем обувь и наденем домашние тапочки: он – шлепанцы моего мужа, черные, без всяких украшений, а я – свои пурпурные тапки с помпонами. Увидев их, он изменится в лице. Я поспешу успокоить его, сказав, что это подарок дочерей. Убедившись, что это не те, что носила она, он расслабится. Сходство – результат простого совпадения.

Через приоткрытую дверь он будет наблюдать, как я готовлю чай. Если в тюрьме его привычки не изменились, чай он будет пить без молока, но с большим количеством сахара. Я принесу кунжутную халву. Мы будем сидеть у окна, как благовоспитанные и малознакомые между собой люди, держа в руках фарфоровые чашки с блюдцами и наблюдая, как дождь поливает фиалки в садике за моим домом. Он похвалит халву, скажет, что очень по ней скучал, но вежливо откажется от добавки. В ответ я скажу, что в точности следую маминому рецепту, но халва никогда не получается такой же вкусной, как у нее. Это заставит его прикусить язык. Взгляды наши встретятся, и в воздухе повиснет напряженное молчание. Потом он попросит извинения и скажет, что очень устал и, если я не возражаю, хотел бы отдохнуть. Я провожу его в приготовленную комнату и тихо прикрою дверь.

Я оставляю его там. В нашем доме. В комнате, расположенной не слишком далеко и не слишком близко от моей собственной. Оставляю запертым в четырех стенах, между ненавистью и любовью, которые бьются в моем сердце, как в ловушке.

Как бы то ни было, он мой брат.

Как бы то ни было, он убийца.

Имена, сладкие, как сахар

Деревня неподалеку от реки Евфрат, 1945 год

Когда Пимби появилась на свет, Нази пришла в такое отчаяние, что позабыла о страданиях, которые вынесла за последние двадцать шесть часов, и, не обращая внимания на струящуюся по бедрам кровь, попыталась встать и уйти. Так, во всяком случае, говорили все, кто был возле роженицы в этот ветреный день.

Но осуществить свое желание Нази не удалось. К удивлению всех женщин, присутствовавших в комнате, и мужа Нази Берзо, который ждал во дворе, новая волна схваток опрокинула ее на кровать. Через три минуты показалась головка еще одного ребенка. Темные слипшиеся волосики, красная кожа, морщинистая и влажная: снова девочка, поменьше, чем первая.

На этот раз Нази даже не пыталась бежать. Она тихонько вздохнула, зарылась в подушку и повернулась к открытому окну, словно пытаясь разобрать в шуме ветра тихий шепот судьбы. Она не сомневалась: если слушать внимательно, небеса непременно дадут ей ответ. В конце концов, должна быть причина, неизвестная ей, но очевидная для Аллаха. Причина, по которой Он посылает им еще двух девочек, когда у них уже есть шесть дочерей и нет ни одного сына.

Нази плотно сжала губы, решив не произносить ни слова до тех пор, пока Аллах не даст ей самых исчерпывающих и убедительных объяснений. Даже во сне губы ее оставались плотно сомкнутыми. В течение следующих сорока дней и сорока ночей Нази хранила молчание. Она молчала, когда готовила бараний горох с жиром, натопленным из овечьих хвостов, молчала, когда купала шестерых старших дочерей в огромной круглой жестяной бадье, молчала, когда варила сыр с черемшой и травами, и не отвечала, даже когда муж спрашивал, как назвать новорожденных. Она была безмолвна, как могилы на кладбище у подножия холма, где лежали все ее предки и где предстояло лежать ей самой.

Все это происходило в бедной, далекой от цивилизации курдской деревушке, в которой не было ни электричества, ни дорог, ни врачей, ни школы. За плотную завесу изоляции не проникали никакие новости извне. Жители деревушки не слыхивали ни о последствиях Второй мировой войны, ни об атомной бомбе. Тем не менее они были убеждены, что в мире, раскинувшемся вдали от берегов Евфрата, творятся странные вещи. Желания познать этот неведомый мир у них не возникало, а дальние странствия представлялось им совершенно бессмысленным занятием. Все, что есть, было и будет в этом мире, человек видит вокруг себя, здесь и сейчас. Людям положено жить на одном месте, подобно деревьям и камням. Исключение составляют три категории: странствующие мистики, утратившие прошлое, глупцы, лишенные разума, и поэты, потерявшие своих возлюбленных.

Все прочие жители деревни, за исключением дервишей, чудаков и несчастных влюбленных, никогда ничему не удивлялись и все происходящее воспринимали как должное. Каждое событие, случившееся в деревушке, моментально становилось всеобщим достоянием. Секреты и тайны – роскошь, которую могут позволить себе только богачи, а в этой деревне, называвшейся Мала Кар Байан, что в переводе с курдского означает «Дом четырех ветров», богачей не было.

Старейшины деревни, трое иссохших, угрюмых на вид старцев, проводили почти все свое время в единственной деревенской чайной, где пили чай из чашек, тонких, как яичная скорлупа, и хрупких, как человеческая жизнь, и предавались размышлениям о величии Божественной мудрости и неразумии политиков. Узнав о принятом Нази обете молчания, они решили нанести ей визит.

– Мы пришли предостеречь тебя, ибо ты близка к тому, чтобы совершить святотатство, – произнес первый старец, такой древний, что казалось, легчайший ветерок мог сбить его с ног.

– Как смеешь ты ожидать, что всемогущий Аллах откроет тебе Свои помыслы? – спросил второй старец, во рту которого осталось всего несколько зубов. – Или ты не знаешь, что Он беседует только с великими пророками, среди которых никогда не было женщин?

– Аллах хочет, чтобы ты заговорила, – воздев к небу кривые и узловатые, как древесные корни, руки, изрек третий старец. – Будь это иначе, Он бы превратил тебя в рыбу.

Нази слушала их, время от времени прикладывая к глазам края своего платка. В какой-то момент она представила себя плавающей в реке рыбой – крупной коричневой форелью со сверкающими в лучах солнца плавниками и переливающимися всеми цветами радуги чешуйками. Она ничуть не тревожится об участи своих детей и внуков, которым из поколения в поколение предстоит существовать в бескрайнем подводном мире рядом с великим множеством других рыб.

– Говори! – приказал первый старец. – Твое молчание противоречит законам природы. А то, что противоречит законам природы, противоречит воле Аллаха.

Но Нази продолжала молчать.

Когда почтенные гости покинули дом, она подошла к колыбели, в которой спали близнецы. Отсветы горящего очага окрасили комнату в золотистые тона, и казалось, кожа младенцев испускает мягкое свечение, которое делало их похожими на ангелов. Сердце Нази растаяло. Она повернулась к своим шестерым дочерям, которые выстроились перед ней в ряд – от самой старшей к самой маленькой. Когда Нази заговорила, голос ее звучал глухо и хрипло:

– Я знаю, как их назвать.

– Скажи нам, мама! – дружно воскликнули девочки, радуясь тому, что мать наконец прервала молчание.

Нази прочистила горло.

– Вот эту я назову Бекст, а вторую – Биз, – сказала она, и тон ее свидетельствовал о том, что она смирилась со своим поражением.

– Бекст и Биз, – хором повторили девочки.

– Да, дети мои.

Сказав это, Нази причмокнула губами, словно имена оставили у нее на языке особый привкус, соленый и острый. Курдские слова «Бекст» и «Биз», звучащие по-турецки как «Кадер» и «Етер», на всех прочих языках мира означают «Судьба» и «Достаточно». Назвав так своих дочерей, Нази хотела сообщить Аллаху, что, хотя она, как и подобает правоверной мусульманке, покорна своей судьбе, дочерей ей вполне достаточно. Нази знала, что следующая беременность будет последней, ибо ей исполнился сорок один год и лучшая пора ее жизни осталась далеко позади, а потому Аллах должен послать ей сына – только сына.

Вечером, когда отец вернулся домой, девочки окружили его, наперебой сообщая радостную новость:

– Папа! Папа! Мама заговорила!

Лицо Берзо, просиявшее при этом известии, омрачилось, когда он узнал, какие имена его жена выбрала для новорожденных. Он покачал головой и несколько томительно долгих минут хранил молчание.

– Судьба и Достаточно, – наконец пробормотал он себе под нос. – Но ведь это не имена для детей. Это просьба, обращенная к небу.

Нази, потупившись, смотрела вниз, на собственный палец, выглядывавший из дырки в шерстяном носке.

– Эти имена говорят о том, что мы чувствуем себя обиженными, а это может оскорбить Создателя, – продолжал Берзо. – Зачем нам навлекать на себя Его гнев? Лучше дать детям обычные имена и не подвергать их опасности.

Сказав так, он предложил имена, которые казались ему наиболее подходящими: Пимби и Джамиля, что в переводе с курдского означает «Розовая» и «Красивая». Имена, подобные кусочкам сахара, которые тают в чашке чая, сладкие, приятные, лишённые претензий.

Хотя Нази не стала спорить с решением мужа, забыть её собственный выбор оказалось не так просто. Имена, которые она дала своим дочерям, прочно засели у всех в памяти, подобно бумажным змеям зацепились за ветви фамильного дерева. В результате близнецы обрели двойные имена: Пимби Кадер и Джамиля Етер – Розовая Судьба и Достаточно Красивая. И никто не мог предугадать, что настанет день, когда одно из этих имен окажется на первых страницах газет всего мира.

Разные цвета

Деревня вблизи реки Евфрат, 1953 год

С самого раннего детства Пимби обожала собак. Ей нравилось, что они умеют заглядывать людям в души, даже когда спят с закрытыми глазами. Взрослые в большинстве своем были уверены, что собаки мало что понимают, но Пимби знала, что это неправда. Собаки понимают все. Просто они умеют прощать.

К одной овчарке Пимби была особенно привязана. Этот пес с висячими ушами, длинной мордой и косматой черной шкурой с белыми и коричневыми пятнами обладал покладистым нравом, любил гоняться за бабочками, с готовностью приносил брошенную палку и ел все без разбора. Звали его Китмир, но иногда называли Куто или Додо. В общем, имя его без конца менялось.

Однажды пес ни с того ни с сего начал вести себя странно, словно в него вселился злой дух. Когда Пимби попыталась погладить его по загривку, он с рычанием набросился на нее и укусил за руку. Ранка была неглубокой, но перемена в характере собаки не могла не тревожить. В последнее время несколько собак в округе заболели бешенством, и деревенские старейшины настояли на том, чтобы Пимби отправилась к доктору. Однако на шестьдесят миль вокруг не было ни одного врача.

Именно поэтому Пимби и ее отец Берзо сели сначала в маленький автобус, потом в большой автобус, который повез их в город Урфа. При мысли, что ей придется провести целый день в разлуке со своей сестрой-двойняшкой Джамилей, Пимби бросало в дрожь. Но все же она была очень рада, что весь день отец будет принадлежать лишь ей одной. Берзо был мужчиной крепкого сложения, с широкой костью, крупными чертами лица и большими крестьянскими руками, привыкшими к любой работе. Его густые усы уже начали седеть, так же как и волосы на висках. Взгляд его ореховых глаз лучился добротой. За исключением редких случаев, когда им овладевали вспышки гнева, он пребывал в спокойном расположении духа, несмотря на не покидавшую его печаль о сыне, которого ему не суждено было иметь, о сыне, благодаря которому род его не пресекся бы до конца этого мира. Берзо мало говорил, редко улыбался, но находил общий язык со своими детьми легче, чем жена. Все восемь его дочерей сражались за его любовь и внимание – подобно цыплятам, толкущимся у кормушки.

Путешествие в город было волнующим и увлекательным, чего никак нельзя было сказать про ожидание в больнице. В коридоре перед кабинетом врача сидели двадцать три человека; Пимби могла сказать это точно, ибо в отличие от других восьмилетних детей в их деревне они с Джамилей ходили в школу и умели считать. Путь до этого обшарпанного одноэтажного здания, расположенного в соседней деревне, занимал сорок минут. Посреди классной комнаты стояла жаровня, которая давала мало тепла, зато очень много дыма. Дети помладше сидели с одной стороны, постарше – с другой. Поскольку окна открывали редко, воздух в классе был спертым и тяжелым, как опилки.

До того как Пимби пошла в школу, она была уверена, что все люди в мире говорят по-курдски, но теперь знала, что это не так. Некоторые люди вообще не знали курдского. Например, школьный учитель. У него были короткие редеющие волосы и грустный взгляд, словно он тосковал по жизни, которую оставил в Стамбуле, и никак не мог смириться с тем, что оказался в этой дыре. Он раздражался всякий раз, когда дети его не понимали или же отпускали по-курдски какую-нибудь шутку на его счет. Недавно он ввел новое правило, согласно которому всякого позволившего себе хоть слово по-курдски ожидало наказание: он должен был стоять у доски на одной ноге и спиной к одноклассникам. Правда, мало кому приходилось стоять так более нескольких минут: провинившийся обычно получал прощение, при условии что впредь

не совершит подобного промаха. Но иногда учитель забывал о наказанном, и тот был вынужден стоять у доски часами. Эта штрафная мера вызвала у близнецов разную реакцию. Джамиля теперь в школе вообще не открывала рта, отказываясь говорить на каком-либо языке, а Пимби старательно учила турецкий, надеясь таким способом завоевать сердце учителя.

Между тем Нази не видела никакого смысла в том, что дочери ходят в такую даль и тратят время, заучивая слова и цифры, от которых им в будущем не будет ни малейшего проку, поскольку в самом недалеком будущем обе выйдут замуж. Но ее муж настаивал на том, что девочки должны получить образование.

– Из-за того что они каждый день ходят в эту школу, обув на них просто горит, – жаловалась Нази. – И зачем им эта морока?

– Зато они могут прочесть все, что написано в конституции, – возразил Берзо.

– А что это такое – конституция? – с подозрением поинтересовалась однажды Нази.

– Закон, серая ты женщина! Конституция – это огромная книга. В ней перечислено все, что разрешено делать, и все, что запрещено. А тот, кто этого не знает, может вляпаться в серьезные неприятности.

Нази прищелкнула языком. Слова мужа не слишком ее убедили.

– Вряд ли эта самая конституция поможет моим дочерям выйти замуж, – заметила она.

– Зря ты так думаешь. Тому, кто знает закон, живется легче. Например, если мужа будут плохо с ними обращаться, они не станут это терпеть. Просто заберут детей и уйдут.

– И куда, хотела бы я знать?

Об этом Берзо не задумывался.

– Найдут приют в доме своего отца, – наконец ответил он.

– А, так вот для чего они каждый день таскаются невесть куда и забивают головы всякой ерундой! Для того чтобы вернуться в дом, где родились!

– Иди-ка лучше принеси мне чаю, – отрезал Берзо. – Ты слишком много говоришь.

– Это ж надо такое придумать, – бормотала Нази, отправляясь в кухню. – Ни одна из моих дочерей не уйдет от своего мужа. А если она это сделает, я вытрясу из нее душу. Даже если к этому времени уже буду лежать в могиле. Дух мой вернется в этот мир и задаст мерзавке хорошую трепку.

Пустая угроза, произнесенная в сердцах, обернулась пророчеством. После того как Нази покинула этот мир, она еще долго приходила к своим дочерям – к одним чаще, к другим реже. Она была упрямой женщиной, никогда ничего не забывала и никогда ничего не прощала – в отличие от собак.

Сейчас, сидя в больничном коридоре, Пимби по-детски откровенно разглядывала ожидавших своей очереди мужчин и женщин. Кто-то курил, кто-то жевал принесенные из дома лепешки, некоторые потирали больные места и стонали от боли. Воздух насквозь пропах потом, дезинфекцией и микстурой от кашля.

Чем больше Пимби наблюдала за больными, тем сильнее она восхищалась доктором, с которым предстояло встретиться. Человек, способный излечить от всех этих тяжких недугов, наверняка не похож на других людей, решила она. Может быть, он пророк. Или маг. Не имеющий возраста волшебник, пальцы которого способны творить чудеса. Пимби изнемогала от любопытства и, когда их очередь наконец подошла, вслед за отцом с готовностью юркнула в дверь кабинета.

Внутри все оказалось белым. Но не таким белым, как мыльная пена на поверхности воды, когда они стирали одежду. Не таким белым, как снег, который покрывает землю зимними ночами. Не таким белым, как сыворотка, которую смешивают с черемшой, чтобы приготовить сыр. То был суровый, неестественный белый цвет, которого Пимби никогда раньше не видела. Такой холодный, что она задрожала. Стулья, стены, плитка на полу, смотровой стол и даже

склянки и скальпели – все сверкало мертвенной белизной. Пимби прежде и в голову не приходило, что белый цвет может быть таким гнетущим, таким тягостным, таким пугающим.

Еще сильнее ее удивило, что доктор оказался женщиной, но женщиной, совершенно не похожей на ее мать, на ее теток и соседок. Точно так же, как кабинет поражал отсутствием цвета, доктор поражала отсутствием каких-либо привычных Пимби женских черт. Под белым халатом докторши она заметила серую юбку до колен, а на ногах тонкие мягкие шерстяные чулки и кожаные туфли. Квадратные очки делали женщину похожей на сердитую сову. Пимби никогда не видела сов, тем более сердитых, но была уверена, что они должны выглядеть именно так. Докторша разительно отличалась от женщин, которые работают в полях от рассвета до заката, покрываются морщинами, потому что им часто приходится шуриться на солнце, и рожают детей до тех пор, пока не произведут на свет достаточное число сыновей. Женщина, сидевшая перед Пимби, привыкла, чтобы все люди, включая мужчин, ловили каждое ее слово. Даже Берзо в ее присутствии поспешил снять шапку и смущенно опустил голову.

Доктор едва удостоила отца и дочь недовольным взглядом. Казалось, их присутствие в кабинете утомляет и раздражает ее. Ясно было, что в конце трудного дня ей вовсе не хочется возиться с такими жалкими людьми, как эти двое. Она не снизошла до разговора с ними, предложив сестре задавать необходимые вопросы: «Какой породы собака? Не текла ли пена у нее из пасти? Не пугалась ли она при виде воды? Укусила ли она еще кого-нибудь? Осмотрели ли ее после случившегося?» Сестра говорила очень быстро, словно слышала тиканье часов, напминавших, что время на исходе. Про себя Пимби порадовалась, что мать не поехала с ними. Нази не смогла бы поддержать разговор в таком темпе и наверняка еще больше встревожилась бы и поняла все неправильно.

Доктор выписала рецепт, а сестра сделала девочке укол в живот, отчего та заревела во все горло. Выйдя в коридор, Пимби все еще плакала, а любопытство, с которым на нее смотрели незнакомые люди, расстроило ее еще сильнее. Отец, который, выйдя из кабинета, поднял голову, распрямил плечи и снова стал прежним Берзо, постарался утешить дочку и шепнул ей на ухо, что она молодец и, если будет вести себя как хорошая девочка, он поведет ее в кино.

Слезы моментально высохли, и глаза Пимби радостно заблестели. Слово «кино» напоминало конфету в обертке: не знаешь, что скрывается внутри, но не сомневаешься, что это нечто восхитительное.

* * *

В городе было два зрительных зала. Один использовался в основном для выступлений приезжих политиков и редко предоставлял свою сцену для местных актеров и музыкантов. Перед выборами и после них здесь собиралась толпа мужчин, и ораторы произносили зажигательные речи, наполненные обещаниями и обличениями, которые носились в воздухе подобно сердитым пчелам.

Второй зал был значительно скромнее размерами, но пользовался не меньшей популярностью. Его владелец предпочитал кино политическим дебатам и выкладывал контрабандистам немалые деньги за новые фильмы, которые ему доставляли вместе с чаем, табаком и прочими товарами. Благодаря этому жители Урфы имели возможность посмотреть картины самых разных жанров – чуть ли не все вестерны Джона Уэйна, «Человека из Аламо», «Юлия Цезаря», а также «Золотую лихорадку» и прочие комедии, главным героем которых был маленький человечек с черными усиками.

В тот день показывали какой-то черно-белый турецкий фильм, который Пимби от первого до последнего кадра смотрела с открытым ртом. Главная героиня, очень красивая, но бедная девушка, влюбилась в богатого юношу, избалованного и эгоистичного. Но он изменился под действием волшебной силы любви. Все вокруг, начиная с родителей юноши, пытались

помешать влюбленным и разлучить их, но они продолжали тайно встречаться под ивой на берегу реки. Во время свиданий они держались за руки и пели песни, исполненные печали.

Пимби понравилось в кино абсолютно все – нарядное фойе, тяжелый занавес, глухая, предвещающая чудо темнота в зале перед началом сеанса. Ей не терпелось рассказать Джамиле об этом новом чуде. В автобусе по пути домой она снова и снова пела песню из фильма:

Твое имя начертано в книге моей судьбы,
Твоя любовь течет в моих венах.
Если ты улыбнешься другому,
Я убью себя или умру от печали.

Распевая, Пимби покачивала бедрами и взмахивала руками. Все пассажиры хлопали в ладоши и издавали одобрительные возгласы. Когда она наконец замолчала – скорее от усталости, чем от неожиданного стеснения, – Берзо расхохотался и смеялся так долго, что на глазах выступили слезы.

– Я и не знал, что у меня такая талантливая дочка, – сказал он, и в голосе его послышались нотки гордости.

Пимби уткнулась лицом в грудь отца, вдыхая запах лавандового масла, которым он смазывал усы. Тогда она даже не подозревала, что это одно из самых счастливых мгновений в ее жизни.

* * *

Вернувшись домой, они застали Джамилу в ужасном состоянии: глаза распухли, лицо покрыто красными пятнами. Весь день она простояла у окна, покусывая нижнюю губу и теребя в руках прядь волос. Потом, внезапно и без всякой причины, залилась слезами. Несмотря на все попытки матери и сестер успокоить ее, она продолжала рыдать.

– А когда Джамиле начала плакать? – спросила Пимби.

– Да где-то в полдень, – пожала плечами Нази. – Почему ты спрашиваешь?

Пимби не ответила. Она узнала то, что хотела узнать. Когда ей сделали укол и она заплакала, ее сестра-двойняшка, отделенная от нее расстоянием в десятки миль, заплакала тоже. Люди говорят, что у близнецов одна душа. Но, похоже, общего у них даже больше. Между их телами тоже существует связь. Судьба и Достаточно. Если одна из них закрывает глаза, другая перестает видеть. Если одна из них вдруг поранится, у другой течет кровь. Если одной из них снится кошмар, сердце другой бешено колотится.

В тот же вечер Пимби продемонстрировала Джамиле танец, который видела в кино. По очереди изображая героиню, они целовались и обнимались, как влюбленная парочка в фильме, и при этом беспрестанно хихикали.

– Что это вы расшумелись?

Голос Нази звучал недовольно и резко. Она перебирала рис, рассыпанный на большом плоском блюде.

Глаза Пимби расширились от обиды.

– Мы просто танцуем.

– С чего это вы решили заняться танцами? – буркнула Нази. – Вы что, намерены стать шлюхами?

Пимби не знала, кто такие шлюхи, но не осмелилась спросить. Горячая волна обиды захлестнула ее с головой. Почему песня, которая так понравилась пассажирам автобуса, вызвала у матери лишь раздражение? Почему чужие люди оказались более доброжелатель-

ными, чем самый близкий человек на свете? Пока она размышляла над этими вопросами, Джамиля сделала шаг вперед, виновато потупилась и пробормотала:

– Прости, мама. Мы больше не будем.

Пимби, ощущая, что ее предали, метнула на сестру возмущенный взгляд.

– Если я вас и останавливаю, то для вашего же блага, – проворчала Нази. – Тот, кто сегодня слишком много смеется, завтра будет плакать. За все приходится платить – помните об этом.

– Не понимаю, почему мы не можем смеяться сегодня, завтра и всегда, – заявила Пимби.

Теперь настал черед Джамили хмуриться. Дерзость, проявленная сестрой, не только изумила ее, но и подставила под удар. Джамиля затаила дыхание, ожидая дальнейшего развития событий. Сейчас мать возьмет в руки скалку. Когда одна из девочек совершала какую-то провинность, Нази лупила скалкой обеих. По лицу она никогда не была, памятуя о том, что красота заменяет девушке приданое, но спинам и задницам доставалось изрядно. Девочек всегда удивляло, как одна и та же скалка способна причинять такую боль и помогать в приготовлении аппетитных пирожков, которые они обожали.

Но в тот вечер Нази изменила своему обыкновению и не стала наказывать дочерей. Вместо этого она сморщила нос, покачала головой и уставилась в пространство, словно хотела оказаться где-нибудь далеко отсюда. Когда она заговорила вновь, голос звучал спокойно и ровно:

– Скромность – это щит, которым женщина может оградить себя. Зарубите на своих носах: если вы утратите скромность, цена вам будет меньше истертого куруса¹. Этот мир жесток и безжалостен.

Мысленно Пимби подкинула монету в воздух и поймала в ладонь. У монеты всего две стороны. Ты можешь победить или потерпеть поражение – другого выбора нет. Можешь стяжать почет или позор и, если окажешься в проигрыше, не рассчитывать на сочувствие и сострадание.

Дело в том, продолжала Нази, что женщин Создатель кроил из тончайшего белого батиста, а мужчин из плотной темной шерсти. Одним предназначено господствовать над другими – такова воля Аллаха. А главная обязанность всякого человека – безропотно покоряться Его воле. Дело в том, что на черном пятна не видны, а на белом даже самое маленькое, слабое пятнышко бросается в глаза. Именно поэтому, стоит женщине лишь немного согрешить, это моментально становится всеобщим достоянием. От такой женщины все отворачиваются, ее выбрасывают из жизни, словно шелуху от зерна. Если девушка утратит девственность до брака, пусть даже подарив ее любимому человеку, она лишится будущего. Что касается мужчины, на него не упадет даже тень порицания.

Таков был мир, в котором родились Розовая Судьба и Достаточно Красивая. В этом мире слово «честь» было не просто словом, но и именем. Но это имя давали только мальчикам. Только мужчины имели честь, будь они стариками, мужами в расцвете лет или же юнцами, на губах которых еще не обсохло материнское молоко. У женщин чести не было. Честь им заменял стыд. Но носить такое имя, как Стыд, никому не пожелаешь.

Пимби слушала мать и представляла ослепительно-белый кабинет доктора. Неприятное чувство, которое она испытала там, овладело ею с новой силой. Есть столько всяких цветов, помимо черного и белого, думала она: фисташково-зеленый, орехово-коричневый, голубой, как цветы барвинка. А помимо батиста и шерсти, есть бархат, шелк, парча и еще много-много красивых тканей. Почему же она должна пренебречь всем этим богатством и жить в двухцветном мире, скучном и плоском, как блюдо, на котором рассыпан рис.

¹ Мелкая турецкая монета.

По иронии судьбы, так часто проявлявшейся в жизни Пимби, наставления, раздражавшие ее в устах матери, она много лет спустя слово в слово повторяла своей собственной дочери Эсме в Англии.

Аскандер... Аскандер

Деревня вблизи реки Евфрат, 1962–1967 годы

Пимби всегда имела склонность к тягостным раздумьям и необоснованным опасениям. Это свойство ее натуры с годами оставалось неизменным. Более того, она стала суеверной, причем внезапно, всего за одну ночь, ту ночь, когда родился Искандер.

Пимби было семнадцать, когда она стала матерью – молодой, красивой, но исполненной тревожных предчувствий. Сидя в залитой сумеречным светом комнате, она не сводила глаз с колыбели, словно никак не могла поверить, что это она произвела на свет младенца с крошечными розовыми пальчиками, прозрачной кожей и багровым пятнышком на переносице; что с этого дня он принадлежит ей, лишь ей одной. Теперь у нее был сын, о котором ее мать напрасно мечтала и тщетно молила всю свою жизнь.

Произведя на свет Розовую Судьбу и Достаточно Красивую, Нази забеременела еще раз. Она не сомневалась, что наконец родит мальчика, иначе просто и быть не могло. Аллах обязан послать ей сына, ведь Он у нее в долгу. Нази не осмеливалась говорить об этом вслух, потому что знала: подобные заявления люди воспримут как богохульство. Тем не менее между ней и Аллахом существовало тайное соглашение. После стольких девочек Он непременно пошлет ей сына. Ее уверенность в этом была настолько велика, что все одеяльца, носочки и кофточки, предназначенные для своего долгожданного мальчика, она вязала исключительно из темно-голубой шерсти. Никаких возражений Нази не слушала. Словам повивальной бабки, осмотревшей ее после отхождения вод и приглушенным голосом сообщившей, что ребенок лежит неправильно, она тоже не придавала значения. Меж тем повитуха настоятельно советовала Нази ехать в город. Время еще есть, говорила она. Если они поедут прямо сейчас, то окажутся в больнице как раз к началу схваток.

– Глупости, – отрезала Нази и обожгла повитуху сердитым взглядом.

Она не сомневалась, что все будет хорошо. Все в руках Аллаха. Ей сорок девять лет, это ее последний, вымоленный ребенок. И она родит его здесь, в своем доме, на своей кровати – на той самой кровати, где родила всех своих детей. Только на этот раз у нее будет мальчик.

Роды были мучительными. Ребенок оказался слишком крупным и к тому же лежал у матери поперек живота. Тянулись томительные часы. Никто не считал, сколько времени прошло, потому что во время родов это приносит несчастье. Кроме того, один лишь Аллах, величайший часовщик, имеет власть над временем. То, что смертным кажется невыносимо долгим, для Него всего лишь мгновение. Поэтому часы на стене завесили черным бархатом, так же как и все зеркала в доме – ведь каждое зеркало открывает путь в неизведанное.

– Она больше не может тужиться, – заметила одна из женщин, стоявших у постели рожающей.

– Значит, мы ей поможем, – заявила повитуха. Голос ее звучал решительно, но в глазах метался тщательно скрываемый страх.

Повитуха запустила руку в утробу Нази и ощутила под пальцами нечто склизкое и извивающееся. Сердцебиение было совсем слабым, как мерцание догорающей свечи. Повитуха попыталась повернуть ребенка внутри матки. Одна попытка... Вторая... Третья... Теперь она действовала более жестко, понимая, что времени осталось немного. Ей удалось слегка повернуть ребенка по часовой стрелке, но этого оказалось недостаточно. Головка ребенка давила на пуповину, сокращая тем самым количество поступающего через нее кислорода.

Нази потеряла много крови и то впадала в забытие, то ненадолго приходила в себя и снова проваливалась в небытие. Лицо ее было белым как снег. Нужно было срочно делать выбор. Повитуха понимала: сохранить жизнь удастся либо матери, либо ребенку. Спасти обоих невоз-

можно. На душе у повитухи было сумрачно, как безлунной ночью. Решение пришло внезапно. Она спасет женщину.

В это мгновение Нази, лежавшая с опущенными веками, под которыми плясали кровавые тени смерти, приподняла голову:

– Не вздумай это сделать, гадина!!!

Крик был таким пронзительным и резким, что казалось, исходил не от человеческого существа. Женщина, извивавшаяся на окровавленных простынях, превратилась в дикое животное, измученное, отчаявшееся, готовое наброситься на всякого, кто попытается к нему подойти. Впервые в жизни Нази ощутила себя свободной – свободной, как зверь, который продирается сквозь лесные заросли, залитые солнцем, окрасившим листья в золотистый цвет. Все, кто собрался в комнате, решили, что она сошла с ума. Только сумасшедшая может так кричать.

– Режь меня, идиотка! Вытаскивай ребенка! – приказала Нази и расхохоталась, словно переступив порог, за которым все происходящее в этом мире кажется шуткой. – Как ты не понимаешь, это же мальчик! Он должен родиться! Должен! Что ты стоишь на месте, глупая завистливая тварь?! Давай! Бери ножницы и разрежь мне живот! Доставай моего сына!

Мухи носились в комнате роями, подобно стервятникам, кружащим над добычей. Здесь было слишком много крови. Слишком много ярости и отчаяния. Ярость и отчаяние насквозь пропитали постель, ковер, стены. Воздух стал тяжелым, тягучим и вязким. Мухи жужжали все громче, и избавиться от них было невозможно.

Нази умерла, вскоре за ней последовал и ребенок, относительно пола которого она жестоко ошиблась. Ее девятое дитя, убившее свою мать и тоже покинувшее этот мир, оказалось девочкой.

Поэтому ноябрьской ночью 1962 года, лежа без сна на кровати, где она родила своего первенца, Пимби предавалась горьким размышлениям о несправедливости Аллаха. Ей всего семнадцать, и она уже кормит грудью новорожденного сына. Пимби не могла отделаться от ощущения, что с небесных высот, из-за прозрачных облаков на нее с завистью смотрит мать: «Восемь детей, пять выкидышей, один мертворожденный – и ни одного сына... А у моей пустоголовой дочери уже есть прекрасный здоровый мальчик. Почему Ты так поступил со мной, Аллах? Почему?»

Голос Нази звучал у Пимби в ушах резко и настойчиво, до тех пор пока не превратился в колющий ком, который терзал ей грудь и перекатывался в желудке. Пимби изо всех сил пыталась отогнать тревогу прочь, но борьба была обречена на поражение. Тревога волчком вертелась в ее сознании. Взгляд покойной матери, исполненный злобы и зависти, жег ей сердце, и от этого взгляда невозможно было скрыться. Однажды ощутив этот взгляд, Пимби теперь чувствовала его постоянно: и когда толкла в каменной ступке пшеничные зерна и орехи кешью – эта смесь способствовала приливу молока и делала его более питательным, – и когда смотрела на капли дождевой воды, стекающие по оконным стеклам... Этот взгляд не оставлял Пимби и тогда, когда она смазывала только что вымытые волосы оливковым маслом или следила, как булькает на плите густой молочный суп.

– О милосердный Аллах, прошу Тебя, сделай так, чтобы моя мать наконец успокоилась в своей могиле и закрыла глаза. Прошу Тебя, позволь моему сыну вырасти здоровым и сильным, – молилась Пимби, раскачиваясь взад и вперед, словно сама была ребенком, которого нужно уложить спать.

* * *

В ночь, когда родился Искендер, Пимби приснился очередной кошмар – они преследовали ее в течение всей беременности. Но на этот раз видение было таким отчетливым, что,

проснувшись, она так и не сумела до конца убедить себя, что это всего лишь сон. Какая-то часть ее существа навсегда осталась в призрачной реальности ужасного кошмара.

Ей приснилось, что она лежит навзничь на покрытом затейливыми узорами ковре. Глаза ее широко открыты, живот вздулся горой. Над ней – высокое небо, по которому время от времени проплывают облака. Ей жарко, очень жарко. Внезапно она понимает, что ковер расстелен на воде и под ним бурлит река. «Странно, почему же я не иду ко дну?» – спрашивает она себя. Внезапно небеса разверзаются и к ней простираются чьи-то руки. Руки Аллаха? Или ее покойной матери? Ответа нет. Эти руки разрезают ей живот. Она не испытывает никакой боли, только ужас. Ей хочется закрыть глаза и не видеть того, что происходит, но это невозможно. Руки извлекают ребенка из ее живота. Это пухленький мальчик с глазами цвета горного хрусталя. Пимби хочет прижать его к себе, хотя бы до него дотронуться, но руки бросают ребенка в воду. Он не тонет, а уплывает от нее прочь на какой-то плавучей коряге, как пророк Моисей в корзине.

Этим кошмаром Пимби поделилась с одним-единственным человеком. Когда она рассказывала свой сон, глаза ее лихорадочно блестели. Джамиля внимательно выслушала и, охваченная желанием избавить сестру от докучливого призрака матери, тут же нашла ночному кошмару объяснение.

– Я так думаю, ты обидела какого-нибудь джинна, – заявила она.

– Джинна?

– Да, лапочка. Разве ты не знаешь, что джинны обожают дремать на креслах и диванах? Взрослые джинны при виде людей быстро вскакивают и убегают, а вот маленькие джинны не такие проворные. Наверное, ты села на какого-нибудь малютку-джинна и раздавила его. Ты ведь сейчас неуклюжая и громоздкая, как все беременные.

– О Аллах всемогущий! – только и могла воскликнуть Пимби.

Джамиля сморщила нос, словно почувствовала неприятный запах:

– Наверняка мать этого джинненка решила тебе отомстить и навести на тебя порчу.

– И что же теперь делать?

– Не переживай. Есть много способов ублажить джинна, даже если он в ярости, – с видом знатока заявила Джамиля.

После рождения Искендера Джамиля заставляла молодую мать проделывать различные необычные вещи: кидать куски сухого хлеба стае бродячих собак и убегать не оглядываясь; бросать щепотку соли через левое плечо и щепотку сахара через правое; разгуливать босиком по свежевспаханному полю и проходить под кружевами паутины; заливать освященную розовую воду во все щели в доме. К тому же в течение сорока дней Пимби носила на шее амулет. Джамиля надеялась, что благодаря всему этому ее сестра-двойняшка избавится от страхов и тревог, которые порождала мысль о покойной матери. Но в результате Пимби оказалась во власти суеверий. Она и прежде догадывалась о существовании особой двери, за которой скрывается мир суеверий, но до сих пор не осмеливалась переступить порог.

Меж тем Искендер подрастал. Родильные пятна быстро сошли, и кожа ребенка приобрела оттенок теплого песка. У него были темные волнистые волосы, блестящие, как звездная пыль, глаза светились озорством, а сияющая улыбка покорила сердца. Чем красивее становился ее сын, тем сильнее Пимби боялась катастроф и бедствий, от которых не могла его защитить: землетрясений, оползней, наводнений, пожаров, эпидемий. Но больше всего она боялась зависти собственной матери и мести матери ненароком погубленного малютки-джинна. Мир всегда был местом, полным опасностей, но теперь все эти опасности стали слишком близкими и реальными.

Тревога за сына, терзающая Пимби, была так велика, что она даже отказалась дать ему имя. Таким образом она надеялась защитить его от Азраила, ангела смерти. Пока у ребенка нет имени, Азраил при всем желании не сумеет его найти. Так что свой первый год на земле

безымянный мальчик был подобен конверту без адреса. Точно так же он провел свой второй, третий и четвертый год. Когда его хотели позвать, то окликали: «Сынок!» или «Эй, парень!»

Почему муж Пимби, Эдим, не попытался ее вразумить? Почему не настоял на своем и не дал сыну имя, как это делали все прочие мужчины? Имелось некое обстоятельство, которое его удерживало, – обстоятельство более важное, чем его вспыльчивый нрав и мужская гордость, обстоятельство, которое делало его уязвимым и безропотным. Тайная страсть к азартным играм влекла его прочь из дома, в подвальные притоны Стамбула, где он мог хотя бы на одну ночь ощутить себя владыкой мира.

Только когда мальчику исполнилось пять, Эдим решился положить конец безумию и заявил, что больше так продолжаться не может. Скоро мальчик пойдет в школу, и если он не сможет сказать, как его зовут, другие дети решат, что родители дали ему невероятно смешное или неблагозвучное имя. Пимби была вынуждена уступить, но только при одном условии. Она отвезет сына в родную деревню, чтобы ее сестра-двойняшка и прочие родственники благословили мальчика. К тому же она поговорит с тремя деревенскими старейшинами, древними, как гора Арарат, но по-прежнему готовыми дать совет, исполненный глубокой мудрости.

* * *

– Ты поступила правильно, что пришла к нам, – изрек первый из мудрецов, такой дряхлый, что дверь, хлопнувшая поблизости, заставила содрогнуться все его хилое тело.

– Ты поступила правильно, что решила не выбирать имя для сына сама, как делают в нынешние времена многие женщины, – добавил второй мудрец, во рту у которого остался всего один зуб – маленькая жемчужина, сверкавшая, как первый зуб младенца.

Настал черед третьего мудреца, но голос его был так тих, а слова столь невнятные, что никто не смог разобрать, что он именно сказал.

Посоветовавшись еще немного, старейшины вынесли решение: имя ребенку должен дать посторонний человек, чужак, не знающий ничего о семье его матери и, уж конечно, не ведающий о призраке Нази.

Пимби ничего не оставалось, кроме как согласиться с планом, который предложили ей старцы. В нескольких милях от деревни протекала река, мелководная зимой и бурная летом. Местные жители переправлялись через нее на самодельной лодке, привязанной к канату, протянутому меж берегами. Переправа была рискованной, и не проходило года, чтобы несколько человек не упали в воду. Решено было, что Пимби будет ждать на берегу и попросит первого человека, который высадится из лодки, дать имя ее сыну. Деревенские старейшины спрячутся в кустах поблизости и в случае необходимости придут ей на помощь.

Итак, Пимби с сыном отправилась на берег и стала ждать. Ради столь важного события она надела ярко-алое платье, закрывавшее лодыжки, и черную кружевную шаль. На мальчике был его единственный выходной костюмчик, в котором он выглядел маленьким мужчиной. Время тянулось медленно, и долгое ожидание утомило ребенка. Чтобы развлечь сына, Пимби принялась рассказывать ему занимательные истории. Одна из этих историй навсегда запала ему в память.

– Когда Ходжа Насреддин был маленьким мальчиком, его мать дорожила им как зеницей ока... – начала Пимби.

– У нее что, были в глазах синицы?

– Это просто такое выражение, мой султан. Оно означает, что она любила его больше всего на свете. Они жили вдвоем в маленькой хижине на окраине города.

– А где же был его отец?

– Ушел на войну. Слушай и не перебивай. Как-то раз мать Ходжи Насреддина отправилась на базар. Перед тем как уйти, она сказала сыну: «Не выходи из дома и следи за дверью.

Если увидишь, что к нам ломится вор, кричи во все горло. Это его отпугнет. А я вернусь до полудня». Мать ушла, а Ходжа Насреддин сел перед дверью, не сводя с нее глаз.

– И он ни разу не захотел пописать?

– У него был горшок.

– А если бы ему захотелось есть?

– Мать оставила ему еду.

– Пирожки?

– Да, и кунжутную халву, – ответила Пимби, хорошо знавшая вкусы своего сына. – Прошел час, и вдруг кто-то постучал в дверь. Это был дядя Насреддина, который пришел проведать их с матерью. Он спросил у мальчика, где мать, а узнав, что она пошла на базар, сказал: «Иди отыщи ее, скажи, чтобы быстрее возвращалась домой и приготовила обед. Сегодня я приду к вам в гости вместе со всей своей семьей!»

– Но Насреддин караулил дверь!

– Именно так. Поэтому он немного растерялся. Мать велела ему делать одно, а дядя – совсем другое. Он не хотел послушаться никого из них. Тогда он снял дверь с петель, взвалил ее себе на спину и отправился на поиски матери.

Мальчик расхохотался. Отсмеявшись, он произнес с неожиданной серьезностью:

– Я бы никогда так не сделал. Мама важнее какого-то дяди.

Только он сказал это, до них донесся шум. Кто-то переправился через реку и приближался к ним. Через несколько мгновений, к великому удивлению Пимби – и деревенских старейшин! – выяснилось, что это старуха. Старуха с невероятно огромным крючковатым носом, морщинистыми впалыми щеками, желтыми кривыми зубами и беспрестанно бегающими маленькими глазками-бусинками.

Пимби разъяснила ей, что ее сыну необходимо дать имя, и попросила оказать любезность и посодействовать в разрешении этой проблемы. О таких деталях, как призрак Нази и деревенские старейшины, скрывающиеся в кустах, она сочла за благо умолчать. Старуха ничуть не удивилась. Опираясь на палку, она невозмутимо размышляла, как будто к ней едва ли не каждый день обращались с такими просьбами.

– Мама, кто это? – спросил мальчик.

– Тише, мой львенок. Эта милая бабушка сейчас выберет тебе имя.

– Но она жутко страшная!

Притворившись, что ничего не слышала, старуха приблизилась к мальчику и вперила в него изучающий взгляд.

– Значит, ты до сих пор еще не нашел свое имя? – спросила она.

Мальчик сердито вскинул бровь, отказываясь отвечать.

– Знаешь, я хочу пить, – сказала старуха, указывая на то место, где водный поток образовывал небольшую заводь. – Не мог бы ты принести мне стакан воды?

– У меня нет стакана.

– Но ты можешь принести воды в ладонях, – настаивала старуха.

Ребенок, хмурясь все сильнее, посмотрел на старуху, потом перевел взгляд на мать и снова взглянул на старуху.

– Нет, – ответил он, и в голосе его послышался вызов. – Почему это я должен ходить тебе за водой? Я тебе не слуга.

Старуха склонила голову набок, словно старясь избежать удара:

– Значит, он не любит служить другим. Он любит, чтобы служили ему.

К этому времени Пимби уже не сомневалась, что со странницей им не повезло. Пытаясь разрешить ситуацию мирно, она предложила:

– Давайте я принесу вам воды.

Но старуха не стала пить воду, которую в ладонях принесла Пимби. Глядя на воду, она стала читать по ней, как по книге судьбы:

– Доченька, этот мальчик будет долго оставаться ребенком. Он повзрослеет, лишь достигнув середины жизни. Да, ему понадобится очень много времени, чтобы стать мужчиной.

Пимби затаила дыхание. Она чувствовала, старуха собирается открыть тайну, которую ей вовсе не хотелось знать.

– Некоторые дети подобны Евфрату – нрав у них буйный и строптивый. Родителям никак не удастся с ними совладать. Боюсь, твой сын разобьет тебе сердце.

Слова упали между ними, словно камень, сорвавшийся неведомо откуда.

– Но я не просила вас предсказать ему судьбу, – сдавленным голосом произнесла Пимби. – Вы придумали ему имя?

– Именно это я и делаю. Мне пришлось на ум два имени, и, чтобы сделать выбор, надо решить, чего ты от него ждешь. Первое имя – Саалим. Когда-то это имя носил один султан. Он был прекрасным поэтом и замечательным музыкантом. Если ты хочешь, чтобы твой сын любил и понимал красоту, следует назвать его именно так.

– А второе? – замирая от нетерпения, выдохнула Пимби. Даже мальчик, казалось, заинтересовался разговором.

– Второе имя носил великий полководец, который всегда выступал впереди своих солдат, сражался как тигр, выходил победителем из всех сражений, разгромил всех своих врагов, покорил множество стран, соединил Восток и Запад, восход и закат, но все равно жаждал большего. Если ты хочешь, чтобы твой сын обладал сильной волей, всегда стремился к победе и умел повелевать людьми, следует назвать его в честь этого полководца.

– Да, пожалуй, мне это больше нравится, – просияла Пимби.

– Что ж, ты сделала свой выбор, – кивнула старуха, взяла палку и с неожиданным проворством зашагала по дороге.

Прошло несколько секунд, прежде чем Пимби сообразила, что не узнала самого главного, и бросилась вслед за старухой:

– Вы не назвали имя!

– Какое имя? – Старуха повернулась и уставилась на Пимби, словно успела забыть, кто она такая.

– Имя, которое я должна дать своему сыну!

– О! Это имя – Аскандер.

– Аскандер... Аскандер... – несколько раз повторила Пимби, наслаждаясь звучанием этого имени.

По возвращении в Стамбул мальчика зарегистрировали в одном из регистрационных бюро. Хотя и с опозданием в несколько лет, после долгих просьб и значительной взятки его существование наконец было узаконено. Когда мальчик поступил в школу, на его бедже было написано: Искендер Топрак.

– С таким именем можно покорить мир, – часто повторяла Пимби.

К тому времени она уже выяснила, кто такой Александр Великий.

Итак, ее первый ребенок, которым она дорожила как зеницей ока, получил имя, которое по-курдски звучало как «Аскандер», а по-турецки как «Искендер». Когда семья перебралась в Лондон, для школьных учителей и товарищей он стал Алексом. Именно под этим именем он был известен заключенным и охранникам в тюрьме Шрусбери.

Султан на дереве Стамбул, 1969 год

Искендеру еще не исполнилось и семи, когда весной он убежал от человека, которого никогда прежде не видел, но о котором очень много слышал. Хотя этот человек оказался вовсе не таким, каким рисовало его воображение мальчика, он все равно внушал ужас. На носу у него красовались очки в массивной оправе, почему-то постоянно съезжавшие вниз, в губах была зажата незажженная сигарета. Еще у него была большая кожаная сумка, в которой, по слухам, хранились какие-то острые инструменты и лоскутки кожи всех его жертв.

Стоило Искендеру его увидеть, по спине у него пробежал холодок. Он пролил на рубашку клюквенный шербет, и капли алели на белой ткани, точно кровь на снегу. Искендер попытался стереть пятна, сначала рукой, потом краешком плаща. Бесполезно. Его замечательный костюм был испорчен.

Конечно, несмотря ни на какие пятна, Искендер в своем длинном серебристом плаще и шапочке, усеянной разноцветными бусинами, все равно оставался султаном. В руках он держал скипетр, отполированный до такой степени, что казался почти прозрачным, и восседал на высоком стуле с видом правителя, наблюдающего за своими подданными. Правда, для своих лет он был маловат ростом, и все стулья казались ему высокими. По его левую руку сидели четверо других мальчиков – все старше его и выше ростом и все одинаково одетые. Оглядев их с головы до ног, Искендер решил, что костюмы у них далеко не такие красивые, как у него.

Пока другие султаны поедали сладости, толкались и хихикали, Искендер ждал, болтая в воздухе ногами. И как эти придурки могут смеяться, зная, какая пытка им предстоит, вздохнул он про себя. Глаза его тревожно бегали. В комнате было множество народу, но он знал, никто не сумеет его спасти, даже мама Пимби. Она-то ни за что не станет его спасать. Все утро она проплакала, без конца повторяя, как горда и счастлива тем, что ее ненаглядный сыночек станет мужчиной. Ведь мальчик становится мужчиной именно после обрезания.

Искендер никак не мог понять, каким образом удар ножа способен сделать его мужчиной. Это была неразрешимая загадка. От тебя отрезают какую-то часть, но ты становишься больше. Искендер не мог также понять, почему взрослые твердят, что он не должен плакать. Ведь ясно, что ему будет больно. И мама уже вся изошла слезами, хотя ей-то никто не собирался причинять боль.

Краешком глаза Искендер наблюдал за человеком с кожаной сумкой. Он заметил, что левую его щеку пересекает шрам. Наверное, один из мальчиков, оказавшихся в его страшных руках, нанес рану мучителю. Это была приятная мысль, и несколько минут Искендер с упоением воображал, как вырвется из рук страшного человека, выхватит у него острый инструмент и полоснет его по правой щеке. А потом все мальчики, обреченные на пытку, победной ватагой вырвутся за дверь. Но фантазия быстро померкла, уступив место реальности. В этой реальности слепой хафиз читал Коран, какая-то женщина разносила чай и миндальную халву, собравшиеся в комнате приглушенно переговаривались, а жуткий момент неотвратимо приближался.

Искендер медленно сполз со стула. Ноги его коснулись пола, ощутили мягкий ворс ковра. Он сделал шаг и замер, ожидая, что кто-нибудь окликнет его и спросит, куда он собрался. Но никто не обращал на него внимания. Переступая на цыпочках, он обогнул стоявшую в углу двуспальную кровать с кованой железной спинкой, увешанной амулетами от сглаза, вышитыми подушками и атласным голубым покрывалом. Голубой был любимым цветом Искендера. Это цвет мальчиков и цвет неба. А значит, небо тоже мальчик. Вода в озерах и реках тоже голубая. И в океане. Впрочем, океана он ни разу в жизни не видел.

С каждым шагом обретая смелость и ощущая себя все более легким, Искендер выскользнул через заднюю дверь. Оказавшись за пределами комнаты, он перешел на бег, набирая скорость, пересек сад, выскочил на дорогу и мимо соседских домов понесся на вершину холма. Костюм теперь был весь забрызган грязью, но это его больше не волновало. Ни капельки не волновало.

Искендер думал о руках матери. Он представлял, как эти руки расчесывают ее густые каштановые волосы, разливают кислое молоко по глиняным чашкам, гладят его по щекам, лепят фигурки из теста. Ни о чем другом он не думал, пока не добежал до огромного дуба.

Это было старое дерево с узловатыми корнями, выступавшими из земли и тянувшимися во все четыре стороны, и ветвями, едва не касавшимися облаков. Судорожно переводя дыхание, мальчик начал карабкаться вверх, быстро и сосредоточенно. Дважды руки его скользнули и он едва не сорвался, но оба раза сумел уцепиться за ветви. Никогда прежде Искендер не забирался так высоко и был несколько расстроен отсутствием свидетелей его подвига. Небо теперь было так близко, что он почти мог до него дотронуться. Несколько минут он сидел на суку, созерцая облака, довольный и гордый собой, но вскоре до него дошло, что он не сможет спуститься.

Час спустя поблизости от мальчика сел на ветку черный дрозд – изящное создание с желтыми кругами у глаз и пурпурными крапинками на крыльях, яркими, как рубины. Дрозд беззаботно щебетал, хрупкий и беззащитный, но полный жизни. Будь птица чуть ближе, Искендер мог бы ее поймать, сжать в ладонях и ощутить, как бьется ее маленькое сердечко. Он мог бы отнести эту птицу домой, холить ее и лелеять; а мог бы одним быстрым движением свернуть ей шею, что казалось не менее заманчивым.

Стоило Искендеру представить, как он убивает птицу, как его охватило раскаяние. Людей, которые предаются подобным скверным мыслям, ожидают кипящие котлы ада. Глаза мальчика увлажнились. Он не сомневался, что мать давно уже заметила его исчезновение и отправила на поиски всех, кто оказался поблизости. Однако никто не приходил. Наверное, он так и умрет на этом дереве от голода и холода. Интересно, что скажут люди о мальчишке, который умер не от болезни, не в результате несчастного случая, как все прочие люди, а из-за собственной трусости?

Наверное, его уже отчаялись найти и сочли погибшим. Может, решили, что его утащили волки, хотя никакие волки здесь не водятся. Искендер представил себе, как свирепые хищники когтями и зубами раздирают его тело. Интересно, если бы его действительно постигла такая кошмарная смерть, сильно бы убивалась мама? А может, в глубине души она обрадовалась бы тому, что теперь ей надо кормить на один рот меньше?

Вспомнив о материнской стряпне, мальчик вдруг осознал, как сильно проголодался. К тому же он хотел писать, и эта проблема настоятельно требовала разрешения. Не в силах больше терпеть, он приспустил брюки и взял в руки свой маленький жезл – причину всех сегодняшних злоключений, но едва пустил струю, как снизу донесся голос:

– Эй, он здесь! Я нашел его!

К человеку, обнаружившему Искендера, присоединился еще один, потом еще целый десяток мужчин. Все они наблюдали за Искендером, а он продолжал опорожнять мочевой пузырь, который, казалось, раздулся вдвое. Наконец он закончил, застегнул молнию на брюках и уже собирался попросить помощи, как вдруг заметил, что среди прочих под деревом стоит человек с кожаной сумкой.

Тут произошла весьма странная вещь: мальчик впал в оцепенение. Его руки и ноги словно стали ватными, язык примерз к нёбу, а в желудке застыл огромный камень. Он слышал, как люди внизу кричат, упрашивают его спуститься, но не мог вымолвить ни слова. Он сидел не двигаясь, как будто стал частью дерева. Мальчиком-желудем.

Стоявшие внизу поначалу предположили, что мальчишка нарочно придушивается. Лишь несколько минут спустя они догадались, что Искендеру не до притворства и что руки и ноги отказываются его слушаться. Тогда они стали решать, как снять ребенка с дерева. Один парень попытался вскарабкаться на дуб, но не смог добраться до верхних ветвей, где сидел мальчик. Еще несколько человек повторили его попытку, но потерпели неудачу. Прочие держали за четыре конца одеяло, на случай если мальчик упадет, кто-то предлагал стащить его с дерева, набросив на него веревочную петлю. Но ни один план не удавалось осуществить. Лестницы были слишком коротки, веревки слишком тонки, а мальчик, замерший на дереве, отказывался хоть как-то помочь своим спасателям.

– Что он тут делает? – зазвенел в воздухе женский голос.

Запыхавшаяся Пимби бежала к дубу.

– Он не может слезть с дерева, – объяснили ей.

– Как это не может? Он большой мальчик.

Пимби, нахмурившись, поглядела на тоненькие, как палки, ножки сына, свисавшие с ветки:

– Ну-ка, слезай! Немедленно!

Искендер почувствовал, что его застывшее тело начинает оттаивать, точно лед под лучами солнца.

– Не испытывай мое терпение, негодник! Ты позоришь своего отца. Всем мальчикам сделали обрезание, и никто от этого не умер. Ты один ведешь себя как неразумный малыш.

Несмотря на все усилия, Искендер по-прежнему не мог даже пошевелиться. Все, что ему удалось, – посмотреть вниз и усмехнуться. Ему казалось, что таким образом ситуацию можно обратить в шутку, но он жестоко ошибался. Стоило Пимби увидеть улыбку на лице сына, ярость, которую она до сих пор сдерживала, хлынула бурным потоком.

– Ах ты паршивец! Спускайся сию же минуту или я переломаю тебе все кости! Или ты не хочешь стать мужчиной?

Этот вопрос заставил Искендера задуматься.

– Не хочу, – ответил он наконец.

– Если ты не станешь мужчиной, у тебя никогда не будет своей машины.

Мальчик пожал плечами. Невелика беда. Можно ходить пешком. Или ездить на автобусе.

– У тебя никогда не будет своего дома.

Искендер снова пожал плечами. Он будет жить в палатке, как живут цыгане.

– И хорошей жены у тебя тоже не будет.

На лице Искендера мелькнуло растерянное выражение. Ему хотелось иметь жену, женщину, которая будет похожа на маму во всем, кроме одного: она никогда не будет его бранить. Он озадаченно прикусил губу и погрузился в раздумья. Через несколько, казалось, бесконечных минут он наконец собрал всю свою силу и всю свою волю и посмотрел в глаза матери. Взгляд этих темно-зеленых глаз обвивал его подобно побегам плюща и неодолимо притягивал к себе.

– Будь по-твоему, – вздохнула наконец Пимби. – Ты победил. Я проиграла. Обойдемся без обрезаний. Я никому не позволю и пальцем к тебе прикоснуться.

– Правда?

– Правда, мой султан.

Голос матери звучал мягко и успокоительно. Искендер обнаружил, что паника его отпустила и оцепенение прошло. Он подвигал пальцами сначала на руках, потом на ногах и спустился несколькими ветками ниже, туда, где ждал его один из спасателей, примостившийся на верхней перекладине лестницы. Оказавшись на земле, Искендер бросился к матери, громко всхлипывая.

– Сынок ты мой, – пробормотала Пимби, словно это нужно было в подтверждении. Она прижала его к себе так крепко, что он ощутил биение ее сердца. – Маламин², мой султан.

Искендер был счастлив, что под ногами у него снова твердая земля, и еще более счастлив, что мать по-прежнему его любит. И все же в ее объятиях было нечто удушающее. Поцелуи, которыми она покрывала его шею, казались слишком липкими, а дыхание – слишком сладким. Ему вдруг захотелось вырваться из ее объятий, тесных и душных, как гроб.

Словно прочтя его мысли, Пимби схватила сына за плечи, отстранила его от себя так, чтобы видеть его лицо, и залепила ему крепкую оплеуху.

– Никогда не позорь меня больше! – воскликнула она.

Резко повернулась к человеку с кожаной сумкой и скомандовала:

– Берите его!

Лицо Искендера залила бледность. Охватившее его изумление было сильнее испуга. Мать прилюдно обманула. И дала ему пощечину. Никогда раньше она этого не делала. Ему даже в голову не приходило, что такое может произойти. Он попытался что-то сказать, но слова застревали в горле, как камешки.

Вечером все наперебой хвалили Искендера, который молодцом держался во время обреза. Восхищались тем, что он не проронил ни слезинки. Но сам он прекрасно знал: удержаться от слез ему помогла вовсе не смелость. Просто он неотступно думал о предательстве матери, и переживать из-за операции было недосуг. Прежде он и вообразить не мог, что можно обмануть человека, который тебе дороже всего на свете. До этого дня он не представлял, что люди часто причиняют боль тем, кого любят всем сердцем. То был первый урок на пути постижения сложностей любви.

² Мой дом, мое пристанище (*курд.*).

Фонтан желаний

Место вблизи реки Евфрат, 1977 год

Пимби уехала, забрав с собой свое отражение в зеркалах и тихих водах. Она жила теперь под другим небом и часто присылала Джамиле открытки с изображением красных двухэтажных автобусов и высоченных башен с часами. Когда Пимби приехала навестить родных, ее одежда пахла не так, как прежде, и была удивительно мягкой на ощупь. Джамиля с замиранием сердца наблюдала, как сестра, сидя на корточках перед раскрытым чемоданом, извлекает оттуда гостинцы – духи и наряды, привезенные из чужой страны. Уезжая, Пимби пребывала в непоколебимой уверенности, что к ее возвращению здесь ничего не изменится. Но она ошибалась: все стало другим. Пимби в тот раз погостила недолго.

В течение многих лет Пимби писала Джамиле письма, в которых рассказывала о своей жизни в Англии. Дети иногда приписывали внизу несколько слов. Особенно часто это делал Юнус. Джамиля хранила все эти послания словно великое сокровище – в жестяной коробке из-под чая, которая стояла у нее под кроватью. Она тоже регулярно писала сестре, хотя ей почти не о чем было рассказывать, по крайней мере так думала она сама. В одном из писем она спросила у Юнуса, видел ли он королеву и, если да, как она выглядела. Вот что он ответил:

Королева живет во дворце, таком большом, что она часто в нем теряется. Но слуги ее находят и снова сажают на трон. Она каждый день носит новое платье и красивую шляпу, того же цвета, что и платье. Руки у нее очень мягкие, потому что она мажет их кремом, все время носит перчатки и никогда не моет посуду. Я видел в школе ее портрет. На нем она выглядит очень доброй.

Джамиля не могла постичь, как это ее родственники, которые так долго живут в одном городе с королевой, до сих пор не видели ее своими глазами и довольствуются лишь фотографиями в газетах и журналах. Она даже сомневалась, бывает ли Пимби где-либо за пределами квартала, в котором живет. Если она проводит время в четырех стенах, стоило ли перебираться в чужую далекую страну? Почему люди не могут жить и умирать там, где они родились? Джамиля буквально задыхалась в больших городах, а мысль о поездке в незнакомое место приводила ее в ужас. Стоило ей представить высоченные здания и широкие улицы, запруженные толпами людей, как грудь у нее сжималась и она чувствовала, что ей не хватает воздуха.

Свои письма Пимби обычно завершала вопросом: «Ты по-прежнему сердись на меня, сестра? Простишь ли ты меня когда-нибудь?» Ответ был ей хорошо известен: Джамиля ни на кого не держала зла, тем более на свою сестру-двойняшку. Но Пимби считала необходимым задавать вопрос снова и снова, как если бы это была рана, требующая регулярной перевязки.

В деревне Джамилю звали Киз-Эбе – повитуха-девственница. Многие считали, что более искусной повитухи в этом нищем курдском районе не было многие десятилетия. Роженицы успокаивались, стоило ей войти в комнату, словно одним своим присутствием она могла обеспечить им легкие роды и защитить их дома от вторжения ангела смерти Азраила. Мужья рожениц многозначительно качали головами и говорили: «Ну, если за дело взялась повитуха-девственница, все будет хорошо. Слава Аллаху, что послал нам ее».

Но слова ничего не значили, лишь усугубляли страх Джамили обмануть людские ожидания. Она знала, что действительно искусна в своем ремесле – так искусна, как только может быть женщина в расцвете лет, далекая от той жизненной поры, когда силы слабеют, зрение ухудшается, а неудачи преследуют по пятам. Как всякая повитуха, она трепетала, когда ее имя и имя Аллаха произносили на едином дыхании, ибо знала, как это опасно. Если подобное

кошунство достигало ее слуха, она тихонько шептала: «Товбе, товбе»³. Слова ее не предназначались никому, кроме Аллаха. Ей необходимо было сообщить Ему, что она никоим образом не претендует даже на малую частицу Его силы и не дерзает соперничать с Ним, единственным, кто способен даровать жизнь.

Джамиля создавала, что ходит по тонкому льду. Можно быть уверенной, что обладаешь опытом и знаниями, пока какие-нибудь сложные роды не поставят в тупик и не заставят почувствовать себя беспомощной и неумелой. Иногда, несмотря на все ее усилия, роды заканчивались неудачно. Иногда ей не удавалось прибыть вовремя, и, войдя к роженице, она обнаруживала, что та разрешилась от бремени без ее помощи, самостоятельно перерезала пуповину тупым лезвием и перевязала ее собственными волосами. Джамиля воспринимала подобные случаи как послания от Аллаха, время от времени напоминавшего, сколь ничтожны ее возможности.

Тем не менее за ней продолжали приходить из самых дальних и глухих деревень. В этих деревнях были свои повитухи, но все беременные женщины хотели, чтобы роды у них принимала именно она. В этих краях Джамиля пользовалась огромной популярностью. Десятки девочек были названы в ее честь – Достаточно Красивая.

«Может, если она будет носить твоё имя, она будет хотя бы вполтину такой же целомудренной, как ты», – говорили отцы девочек, которым она помогла появиться на свет.

Джамиля молча кивала, думая о том, что люди противоречивы в своих желаниях. Они хотят, чтобы их дочери выросли целомудренными и чистыми, но еще сильнее хотят, чтобы те непременно вышли замуж и родили детей. Их дочери, названные в честь повитухи, должны унаследовать ее скромный нрав, но отнюдь не ее одинокий удел.

Вечерами, накинув на плечи вязаную шаль и взяв в руки лампу, Джамиля подходила к окну и, прищурившись, вглядывалась в темноту. Долина спала под глубоким покровом ночи – бесплодная голая земля, на которой рос лишь скудный кустарник. Джамиля часто думала, что под иссохшей коркой скрывается мягкий плодородный слой, точно так же, как под неприглядной и грубой человеческой наружностью порой таится нежное сердце. Пожалуй, все же не следует жить одной в таком глухом месте, иногда говорила она себе. Наверное, ей тоже надо уехать. Куда-нибудь. Все равно куда. Но у нее не имелось ни средств, ни родственников, которые помогли бы ей начать жизнь с чистого листа. Ей уже исполнилось тридцать два, она отцвела впустую, оставив позади ту пору, когда женщина должна выйти замуж. Теперь она была слишком стара, чтобы создать семью. «Бесплодная баба вроде порченной дыни: пригладистая снаружи, иссохшая внутри и ни на что не годится», – говорили в деревне о таких женщинах, как она.

Конечно, она могла выйти замуж за старика или калеку или стать чьей-нибудь второй женой, а то даже третьей или четвертой, хотя семьи, где мужчина имел несколько жен, теперь встречались редко. Только первая жена считалась официальной: обращаясь в любое государственное учреждение – больницу, суд, налоговую службу, она могла с полным правом называть себя замужней женщиной, только ее дети считались законными. Но в их глуши мало кто обращался в подобные учреждения, разве что в чрезвычайных случаях. А если у тебя серьезные проблемы, если ты заболела какой-нибудь тяжкой заразной болезнью или сошла с ума, какая разница, первая ты жена или четвертая?

Ее дом – если только эта лачуга заслуживала называться домом – притулился в выемке скалы, недалеко от ущелья возле Мала Кар Байан. Посмотрев вниз, она видела нагромождения скал, которые издавала напоминали окаменевших великанов, а когда солнце заливало их своими лучами, превращались в огромные сверкающие рубины. Об этих скалах ходило множество легенд, и все они основывались на историях о несчастной любви. В течение веков хри-

³ «Ко мне это не относится, ко мне это не относится».

стиане, мусульмане, последователи Заратустры и езиды жили здесь, любили и умирали бок о бок. Потомки их покинули эти места и отправились в дальние страны. Здесь осталась лишь горстка крестьян. И она, Джамиля.

Покинутая земля, где некогда кипела жизнь, всегда источает печаль. Скорбь и горе витают в воздухе, забиваются в каждую расщелину. Может быть, именно поэтому обитатели таких земель со временем начинают походить на них: они молчаливы, угрюмы и покорны своей участи. Впрочем, такими они кажутся внешне, а внешность людей часто не отражает их внутреннего мира, и в этом тоже заключается их сходство с землей.

Под слоями одежды, защищавшей ее от холода, скрывалась иная Джамиля: юная, очаровательная, веселая, смех которой напоминал звон стеклянных колокольчиков. Эта Джамиля редко обнаруживала себя, прячась в обличье работающей женщины, которая всегда была занята: колола дрова, косила, ходила за водой, готовила целебные отвары. Иногда Джамиля начинала бояться, что сойдет с ума. Она чувствовала, как одиночество неуклонно разрушает ее рассудок, отщипывая от него по кусочку.

Когда ветер прилетал с далеких гор, он приносил с собой аромат полевых цветов, молодой травы и свежей листвы. Но порой Джамиля ощущала дразнящий запах жареного мяса, который пронизывал все вокруг и прилипал к коже. В окрестностях бродили контрабандисты и разбойники, – кочуя с места на место, они ночевали под открытым небом или в скальных пещерах. В безлунные ночи Джамиля видела их костры, мерцающие в темноте подобно далеким звездам. По запахам, приносимым ветром, она узнавала, что у них на ужин и далеко ли они.

В окрестностях водились волки. Джамиля слышала их и в разгар дня, и в сумерках, и поздно ночью. Они издавали низкое утробное рычание, иногда переходившее в звонкое тьяканье или пронзительный вой на два голоса. Порой, учуяв запах одиночества, они крадучись подходили к самым ее дверям, некоторое время стояли, оскалившись, но после неизменно уходили. Вид у них при этом был разочарованный, словно они нашли ее недостаточно аппетитной. Джамиля ничуть не боялась волков. У нее не было оснований считать их своими врагами. Как и разбойники, волки интересовались более крупной добычей, чем одинокая женщина. К тому же Джамиля всем сердцем верила, что опасность всегда приходит с той стороны, откуда ее меньше всего ожидаешь.

Хворост, тлеющий в очаге, наполнял комнату теплом. Отсветы огня играли на лице Джамили, хотя весь дом тонул в темноте. Она сознавала, что местные жители не питают к ней особой любви, но при этом, несомненно, отдают ей дань уважения. Путешествуя верхом на лошади, осле или муле, она проникала в места, недоступные для всех прочих женщин. Иногда ее сопровождали знакомые, но часто – люди, которых она никогда прежде не видела.

Любой человек мог ночью постучать в ее дверь и сказать: «Умоляю, идем со мной! Моя жена рождает. Идем скорее! Роды очень тяжелые!»

Конечно, это могла быть ложь. Существовала возможность, хотя и незначительная, что под маской встревоженного мужа скрывается злоумышленник. Следуя за незнакомцем во мраке ночи, Джамиля сознавала, что он вполне может похитить ее, изнасиловать и убить. Но она знала, что должна доверять. Не мужчине, идущему рядом, а Тому, кто держит в руках все людские судьбы. К тому же в этих краях действовали неписанные правила, которые не посмел бы нарушить ни один человек в здравом рассудке. Согласно этим правилам, повитуха, помогающая детям появляться на свет, являлась почти священной особой. Она осуществляла связь между двумя мирами, видимым и невидимым, связь тонкую и ненадежную, как паутинка.

Джамиля подбросила в очаг хвороста и поставила на огонь медную джезvu. Вода, сахар, кофе – всего этого у нее осталось совсем мало. Люди часто приносили ей подарки: хну, чай, печенье, шафран, фисташки, миндаль и табак, доставленные контрабандой из-за границы. Джамиля знала, что, если с ней расплатились деньгами, плата будет единовременной, а вот мелкие дары не иссякнут никогда.

Она неспешно помешивала кофе. «Кофе подобен любви, – гласила старинная поговорка, – чем больше проявишь терпения, тем лучше вкус». Впрочем, о любви Джамиля мало что знала. Она была влюблена всего один раз, и чувство это оказалось болезненным и горьким. Вкус горечи до сих пор оставался на языке, но она никогда об этом не говорила.

Глядя на вскипающую пену, она прислушивалась к звукам за окном. Долина была населена духами. Среди них были создания размером меньше рисового зернышка, неразличимые обычным глазом, но весьма опасные и исполненные могущества. Птицы бились в оконное стекло, насекомые скользили по поверхности воды в ведре, словно это было озеро. Все, что нас окружает, имеет свой язык – Джамиля в этом не сомневалась. Раскаты грома, утренняя заря, муравьи, копошившиеся в сахарнице... Иногда ей казалось, она понимает, что они говорят.

Свое ремесло повитухи она любила больше всего на свете. То была миссия, уготованная ей Аллахом. Поэтому она днем и ночью ожидала стука в дверь, готовая откликнуться на зов и поспешить на помощь, невзирая на туман, дождь, палящее солнце или снег, покрывший землю на несколько футов. Никто не знал, что в глубине своего сердца Джамиля давно уже была замужем. Она сочеталась браком со своей судьбой.

* * *

За стенами дома разбушевался ночной ветер, заставлявший дребезжать оконные стекла. Джамиля сняла кофе с огня и налила в маленькую керамическую чашечку с отбитой ручкой. Она пила мелкими глотками. Огонь в очаге напоминал ее жизнь: он тоже тихо тлел, никого не подпускал близко, а в особые редкие моменты рассыпался искрами, точно умирающие мечты.

Вдалеке вскрикнула птица – сова, которую местные жители прозвали матерью гибели. Через несколько мгновений она ухнула вновь, на этот раз более решительно и смело. Джамиля сидела, прикрыв глаза и погружившись в раздумья. Несмотря на все трудности, которыми было так богато ее детство, она вспоминала его как счастливую пору. У двойняшек была любимая игра: одна из них изображала маму, другая – дочку. Несмотря на то что Пимби была на три минуты старше сестры, она предпочитала роль дочки, а Джамиля, взяв на себя роль матери, опекала и нянчила ее. Она укачивала свою малышку, пела ей колыбельные и рассказывала сказки. Теперь, вспоминая эти игры, Джамиля поражалась тому, с какой серьезностью они с сестрой им предавались.

Ей вдруг вспомнилось, как однажды отец взял их в город, где они увидели фонтан, исполняющий желания. Женщины, желавшие родить ребенка, свекрови, мечтавшие извести своих невесток, девушки, вожадевшие получить достойного мужа, – все бросали в воду монеты. Когда все разошлись, Пимби подоткнула платье, залезла в фонтан и собрала деньги. После сестры пустились наутек, повизгивая от возбуждения. Добежав до ближайшего магазина, они закупили карамелек и леденцов на палочке.

Конечно, то было увлекательное приключение, но после Джамилю мучило раскаяние. Они совершили кражу. И что самое плохое, они украли людские желания. А это куда более позорно, чем украсть просто деньги.

– Вечно ты придумываешь всякую ерунду, – рассердилась Пимби, когда Джамиля поделилась с ней своими тревогами. – Люди выбросили эти деньги, а мы их подобрали, только и всего.

– Да, но с каждой из этих монеток была связана мечта. Если кто-то украдет твою заветную мечту, ты ведь расстроишься, верно? Я бы расстроилась.

– Значит, у тебя есть заветная мечта? – хихикнула Пимби. – Интересно какая?

Джамиля потупилась, не зная, что сказать. Конечно, она хотела когда-нибудь выйти замуж – обязательно в красивом свадебном платье и чтобы на столе стоял торт с кремовыми розами, такой, что продается в городе, – но эту мечту вряд ли можно было назвать заветной.

Хотела иметь детей, но поди тут разберись, действительно ли это ее заветное желание, или дело в том, что женщине положено иметь детей и все вокруг постоянно твердят об этом. Неплохо было бы купить свою ферму и хозяйничать на собственной земле, но это желание не из тех, что подчиняют себе всю человеческую душу. Поразмыслив, Джамиля обрадовалась тому, что ей не пришлось самой бросать монету в фонтан. Окажись она в такой ситуации, ей пришлось бы признать, что заветной мечты у нее нет.

При виде растерянности сестры Пимби насмешливо фыркнула.

– Я хочу стать моряком, – сверкая глазами, сообщила она. – Буду путешествовать по всему свету и каждую неделю заходить в новую гавань.

Никогда прежде Джамиля не чувствовала себя такой одинокой. Она внезапно поняла, что при всем сходстве у них с сестрой есть одно принципиальное отличие: амбиции. Пимби стремилась увидеть мир, раскинувшийся за рекой Евфрат. Можно было не сомневаться, у нее хватит смелости следовать велениям собственного сердца и не обращать внимания на то, что думают о ней другие. В этот томительный момент Джамиле открылось, что она и ее сестра-двойняшка обречены жить вдали друг от друга.

Их отец часто повторял, что все близнецы более счастливы и одновременно более несчастны, чем все прочие люди. Счастливы, ибо у них всегда есть человек, на поддержку которого они могут рассчитывать. Несчастны, ибо, если один из них страдает, другой обречен разделить его страдания. Если их с Пимби ожидают страдания, что станет их причиной, размышляла Джамиля, – заветные мечты ее сестры или полное отсутствие таковых у нее самой?

Воспоминания

Лондон, декабрь 1977 года

Взяв с ленты конвейера пригоршню овсяного печенья и высыпав ее в очередную жестяную коробку, Эдим Топрак сделал открытие: он больше не помнит лица матери. На секунду он замер, ощущая, как по спине бегают мурашки, и в результате пропустил следующую порцию печенья. Билал, стоявший от него в нескольких футах, заметил совершенную ошибку и поспешно сгреб печенье с конвейера. Если бы Эдим увидел это, он, без сомнения, кивнул бы другу в знак благодарности, но он был слишком поглощен безуспешной попыткой вспомнить, как выглядела мать.

В дальнем уголке его сознания ожил некий женский образ, расплывчатый, словно подернутый туманной дымкой. Мать была стройна и высока ростом, лицо ее было белым, как мрамор, светлые глаза исполнены покоя и сосредоточенности. Солнечный свет, льющийся из окна, освещал ее голову сзади, оставляя половину лица в тени. Волосы цвета осенних листьев отливали медью на солнце. Но при тусклом освещении они изменяли свой оттенок и казались почти черными. Губы ее были полными и свежими. А может, и нет. Эдим не был в этом уверен. Может, губы у нее были тонкими, с опущенными вниз уголками. Женщина, нарисованная его воображением, изменялась каждую секунду, как будто лицо ее было вылеплено из тающего воска.

А может, проблема в том, что образ женщины, которая произвела его на свет, смешивался в его сознании с образом жены. Длинные волнистые рыжеватые волосы, которыми он наделил свою мать, Айшу, на самом деле принадлежали его жене Пимби. Неужели жена стала столь неотделимой частью его жизни, что проникает во все воспоминания, даже о временах, когда они еще не встретились? Эдим переступил с ноги на ногу и закрыл глаза.

Перед его мысленным взором возникло еще одно воспоминание. Они с матерью идут по изумрудно-зеленому полю, откуда открывается вид на дамбу. Ему, наверное, лет восемь. Волосы матери распущены, и неутомимый стамбульский пойраз⁴, играет с ними, закрывая ей лицо. Над их головами синее восхитительно безоблачное небо, вдали зеленеют залитые солнцем холмы. Лишь некоторые из многочисленных ворот дамбы открыты, уровень воды в запруде совсем низкий. Мальчик смотрит, как внизу бурлит и пенится водоворот, и у него начинает кружиться голова. Мать предупредила его, что близко к краю подходить нельзя, но это было не в тот день, что вспомнился ему сейчас.

– Тех, кто подходит слишком близко к краю, сразу хватает шайтан, – сказала мать.

Именно поэтому люди так часто падают – маленькие дети, которые проскальзывают между перекладинами балконных перил, хозяйки, которые моют окна, стоя на подоконнике, трубочисты, которым приходится передвигаться по карнизам. Шайтан хватается за щиколотки своими когтями и тащит вниз, в бездонную глубину. Выживают только кошки, ведь у них девять жизней, а потому они могут восемь раз умереть и опять воскреснуть.

Держась за руки, они с матерью спустились с холма и подошли к высоченным стенам, тянувшимся вдоль одной из сторон дамбы. Айша остановилась на краю водостока, губы ее шевелились. Казалось, она забыла, что дух зла витает поблизости. Но нет, вряд ли: прислушавшись, мальчик понял, что она читает молитвы, защищающие от несчастного случая. Чувство облегчения овладело им, но лишь на несколько секунд. Что, если дьявол прячется где-нибудь в зарослях и, уловив момент, утащит их в бездну? Подчиняясь внезапному порыву, он вырвал

⁴ Северо-восточный ветер, часто приносящий дождь.

руку из материнской ладони и принялся озиаться по сторонам, пока не удостоверился, что рядом никого нет. Когда он снова повернулся к матери, ее не оказалось рядом.

Она летела со стены, и он наблюдал за каждым мгновением ее полета.

Открыв глаза, Эдим обнаружил, что Билал с беспокойством наблюдает за ним.

– Что случилось, парень? – спросил Билал, перебивая шум станков. – Ты пропустил добрый десяток порций.

– Ничего. – Эдим пожал плечами и похлопал себя по груди напротив сердца. – Просто задумался.

По губам Билала скользнула едва заметная, но добродушная улыбка. Кивнув, он вернулся к работе. То же самое сделал Эдим. За оставшийся день он не пропустил ни единого печенья. Но всякий, кто хорошо его знал, мог почувствовать: его что-то гнетет. Душа его ныла от какого-то смутного беспокойства, зловещего, как грозовая туча, и это беспокойство невозможно было прогнать усилием воли.

Эдим знал, что это: страх загнанного в угол животного. Животного, со всех сторон окруженного лающей сворой собак, измученного, изможденного, словно отравленного каким-то зельем, которое не убивает, но лишает сил. Куда бы он ни повернулся, повсюду чудились тени преследователей. Бежать некуда – разве что навсегда уехать из Англии. Но он не мог скрыться, бросив жену и детей. А для того чтобы взять их с собой, требовались деньги. Много денег. Положение было безвыходным. И китайцы прекрасно это понимали. Именно поэтому они даже не считали нужным следить за ним. Они не сомневались: стоит ему пропустить срок платежа, они без труда его отыщут. Но была еще одна причина, по которой Эдим не мог бежать: Роксана.

* * *

Шесть недель назад Эдим проснулся утром в таком приподнятом настроении, словно летал во сне. Все признаки близкой удачи были налицо. Признаки, которые его никогда не обманывали. Ладони слегка почесывались, сердце билось быстрее обычного, левый глаз едва заметно подергивался. Ничего болезненного, просто легчайший тик, который то усиливался, то прекращался, словно небеса посылали ему некое закодированное послание. Во всех прочих отношениях день был совершенно обычным. Но воодушевление не оставляло его. Окружающие были приветливы с ним, и он был приветлив со всеми. Погода стояла ясная, солнечная, и отражение голубого неба в водах Темзы веселило душу и пробуждало надежды.

После заката он отправился в игорный клуб. Скоро, совсем скоро он с этим покончит, обещал он себе. Вырвет страсть к игре с корнем, отрубит ее раз и навсегда, как гнилую ветку от здорового дерева. Отрубленная ветка никогда не вырастает заново, а значит, он никогда вновь не станет пленником страсти. Но это будет после, не сейчас. Сейчас он не готов отказаться от игры. Тем более сегодня его ожидает выигрыш. Все признаки предвещают удачу.

Игорный клуб располагался в Бетнал-Грин, в цокольном этаже старинного дома с большими окнами по обе стороны от входа и террасой. Внутри скрывался другой мир. Клуб состоял из пяти залов; в каждом играли в бильярд или толпились вокруг рулетки, блек-джека и покерных столов. В воздухе висела густая пелена табачного дыма. Игроки, обладавшие большими деньгами или же особой склонностью к риску, собирались в задней комнате. Из-за плотно закрытой двери доносилось поскрипывание рулетки, сопровождаемое гулом голосов, тяжкими вздохами и приглушенными возгласами.

Этот клуб предназначался исключительно для мужчин. Немногочисленные женщины, которых можно было здесь встретить, допускались по особой договоренности, потому находились на особом положении. Ни о каких посягательствах на этих женщин не могло быть и речи. Здесь существовал свод неписаных, но строгих правил, которым неукоснительно подчинялись

клиенты всех национальностей. Индусы, пакистанцы, индонезийцы, иранцы, турки, греки, итальянцы... Все здесь объяснялись по-английски, но молились, изрыгали проклятия и о чем-то договаривались на своих родных языках. Среди клиентов заведение было известно под названием «Берлога». Оно принадлежало семейству немногословных китайцев. Жизнь нескольких поколений этого семейства прошла во Вьетнаме, но после войны китайцы были вынуждены оставить Вьетнам и обосновались в Лондоне. Рядом с ними Эдиму всегда было не по себе. В отличие от итальянцев китайцы не проявляли взаимовыручки. Не обладали они темпераментностью ирландцев. Их поведение было совершенно непредсказуемым и могло мгновенно измениться без каких-либо видимых на то причин.

В тот вечер Эдим сначала играл в блек-джек, потом провел несколько партий в кости и перешел к рулетке. Первый раз он поставил на черное. Старт оказался удачным. Потом он поставил сразу на несколько чисел. Снова выигрыш, но не слишком значительный. Он поставил на красное и выиграл три раза подряд, каждый раз увеличивая ставку за счет предыдущего выигрыша. То был один из тех волшебных моментов, когда он чувствовал рулетку. Как и у самого Эдима, память у рулеточного колеса была никудышная. Можно было ставить на то же самое снова и снова, и шансы на выигрыш оставались прежними. Капризы рулетки не поддавались логическим расчетам. И он играл без всяких расчетов, так, словно каждая ставка была первой и единственной.

Игроки, толпившиеся вокруг, делали восторженные жесты, похлопывали его по плечу и отпускали одобрительные реплики. Он чувствовал, что окружен всеобщим уважением, и это было удивительно приятное чувство. Им восхищались, ему завидовали. Очередной поворот рулетки вновь принес ему победу. Толпа вокруг стола росла, внимание становилось все более напряженным. Пятнадцать минут спустя он по-прежнему выигрывал. Крупье объявил перерыв.

Чувствуя, что ему необходимо глотнуть свежего воздуха, Эдим вышел на улицу. На тротуаре сидел высокий неуклюжий марокканец, работавший с ним на одной кондитерской фабрике.

– Ты везучий, – заметил марокканец.

– Судьба. Так, как сегодня, бывает далеко не всегда.

– Может быть, Аллах тебя испытывает, – изрек марокканец, сделал паузу и бросил на Эдима быстрый взгляд. – Знаешь, как говорят: «Наездник, который скачет на быстрой лошади, может упасть и сломать спину, но лошадь продолжит свой бег».

– Ну и какой в этом смысл?

– Без понятия. Мне просто нравится, как звучит эта пословица.

Оба расхохотались, и голоса их унеслись в ночное небо.

– Я знаю пословицу не хуже, – сказал Эдим. – Человек может убежать на край света, но не способен убежать от своего прошлого.

– Угу, – буркнул марокканец и уже собрался отхлебнуть из своего стакана, как вдруг заметил, что его собеседник стоит с пустыми руками.

– Я не пью, – чуть виновато пояснил Эдим.

Марокканец в ответ усмехнулся:

– Ох, посмотрите только на него! Намертво подсел на рулетку, но, когда дело доходит до выпивки, строит из себя правоверного мусульманина.

Эдима покорило. Он не подсел на рулетку, тем более намертво. Он может отказаться от игры, как только захочет. Что касается причин воздержания от спиртного, то их он предпочитал не обсуждать, тем более с незнакомцами. Но сегодня он решил сделать исключение.

– Мой отец был запойным пьяницей, – негромко произнес он.

Когда он вернулся в подвальный клуб, погас свет. Перебой с электроэнергией. Третий за эту неделю. В те дни по утрам Лондон тонул в сером тумане, а по вечерам – в темноте.

«Свечной магазин в Хакни наверняка огреб кучу денег», – подумал Эдим. Свечи стали такой же насущной необходимостью, как хлеб и молоко.

Напрягая зрение, Эдим прошел по тускло освещенному коридору и открыл дверь в заднюю комнату. За столом, скудно освещенным парафиновой лампой, сидели трое китайцев – скупых на слово людей с непроницаемыми лицами. Эдим понимал, что самое разумное сейчас уйти. Надо удовлетвориться тем, что он уже выиграл. Он взял свою куртку, дал крупье на чай и уже двинулся к выходу, но внезапно застыл на месте.

Позднее, когда Эдим вспоминал этот момент, а вспоминал он его очень часто, ему всякий раз приходил на ум стоп-кран в поезде. Он никогда не трогал этот кран, но знал: если повернуть его, поезд резко остановится. В тот вечер словно чья-то невидимая рука повернула стоп-кран, укрепленный у него на спине.

В комнату вошла молодая женщина. Словно видение, она выпорхнула из мрака. В тусклом свете лампы ее золотистые волосы, завивавшиеся чуть ниже маленьких и изящных ушей, испускали удивительное сияние. Кожаная мини-юбка, белая шелковая блузка без рукавов, на ногах остроносые туфельки на высоченных каблуках. Выражение лица в форме сердечка красноречиво говорило о том, что ей вовсе не доставляет удовольствия находиться здесь и она предпочла бы оказаться где-нибудь в другом месте. Она села рядом с одним из китайцев – этот лысый жирный тип держался как босс и, возможно, был им – и что-то прошептала ему на ухо. Китаец слегка улыбнулся и погладил ее по бедру. Внутри у Эдима что-то оборвалось.

– О, вы еще здесь? Хотите поставить еще разок, дружище?

Китаец задал вопрос, не поднимая головы и ни на кого конкретно не глядя. Но Эдим, так же как и все, кто был в комнате, знал: вопрос обращен к нему. Он ощущал устремленные на него взгляды всех присутствовавших. Но только ее глаза, два синих сапфира, прожигали его насквозь. Никогда раньше он не видел таких огромных блестящих синих глаз. Если бы его жена встретила с этой женщиной, она наверняка испугалась бы сглаза. Пимби неизбежно верила: если взгляд подобных глаз остановится на тебе хотя бы на мгновение, надо со всех ног мчаться домой и сжечь на плите щепотку соли.

Щеки Эдима вспыхнули. В одно невероятно затянувшееся мгновение он осознал, что, продолжив игру, совершит ошибку, и, возможно, самую серьезную в его жизни. Но сознавать – это одно, а подчиняться велениям рассудка – совершенно другое. Он кивнул:

– Да, я буду играть.

Он снова выиграл, но на этот раз все было иначе. Энергетическое поле изменилось. Теперь он и рулетка были двумя не связанными между собой существами, от их недавнего единения не осталось и следа. Но Эдим словно прирос к месту. Замерев, он наблюдал, как богиня, сидевшая напротив, смотрит на колесо рулетки.

Зажглось электричество. Эдим решил, что это добрый знак, и продолжил игру. Он выигрывал раз за разом. Ставки росли. Это был риск. Безумный риск. Китайцы пытались сохранять невозмутимость, но сквозь их непроницаемые маски начала проглядывать тревога. В толпе вокруг стола Эдим увидел марокканца, брови его были озабоченно нахмурены. Поймав взгляд Эдима, марокканец покачал головой и прошептал одними губами:

– Завязывай, приятель!

Но Эдим уже не мог остановиться. Она смотрела на него с другого конца стола, ее губы, сочные и манящие, походили на вишни. Он чувствовал, что у него есть шанс, путь даже один из тысячи, благодаря своим победам в игре завоевать ее сердце. Кто-то окликнул женщину, и Эдим узнал ее имя: Роксана.

Еще одна ставка. Эдим поставил все свои фишки на номер четырнадцать. Шарик вновь понесся навстречу движению колеса. Так и в его жизни: привязанность к семье и тяга к свободе увлекают его в противоположных направлениях. Зрители одновременно испустили вздох, как будто морские волны достигли берега и зашуршали по песку. На этот раз шарик, прежде чем

упасть в выемку, несколько раз подскочил. Колесо совершило еще один полный круг. В ее глазах светилось любопытство, изумление и еще какое-то чувство, как он надеялся, близкое к восхищению. Ему не надо было смотреть на стол, чтобы удостовериться в очередной победе.

– Тебя, наверное, ждут дома, дружище? – тихо, но так, что расслышать его не составляло труда, поинтересовался один из китайцев. – Думаю, твоя семья волнуется. Час уже поздний.

Скрытая угроза, прозвучавшая в этих словах, и слово «семья» произвели эффект упавшего занавеса, который мгновенно отделил Эдима от рулетки, от комнаты, от женщины с сапфировыми глазами. Он собрал все свои фишки, обменял их на деньги и вышел на улицу. Один из знакомых немного подвез его, а оставшуюся часть пути он прошел пешком.

На улицах Ист-Энда было полно мусора, повсюду валялись гниющие отбросы и прочий хлам. Создавалось впечатление, что мир сошел с ума. Бастовали все: пожарники, шахтеры, пекари, врачи, мусорщики. Никто больше не хотел играть в надоевшие игры. Никто, кроме завсегдатаев игорных клубов.

В четыре часа утра Эдим наконец добрался до своего дома на Лавендер-гроув. Удобно устроившись на диване, он выкурил сигарету. Пачка денег, лежавшая рядом, ласкала взгляд и грела душу. Шестнадцать тысяч четыреста фунтов. Вся семья спала, и он не мог поделиться своим торжеством. Приходилось ждать. Он лежал с открытыми глазами в темной гостиной, охваченный чувством одиночества, пронзительным, почти невыносимым, и прислушивался к хриловатому дыханию жены. Два его сына, дочь, даже золотые рыбки в аквариуме – все спали безмятежным сном.

Когда Эдим проходил военную службу в Турции, он сделал одно наблюдение. Если более трех человек спят в достаточно тесном пространстве, они рано или поздно начинают дышать в одном ритме. Возможно, таким образом Бог дает людям знать, что они в состоянии достичь согласия друг с другом и прекратить все споры и раздоры, сотрясающие этот мир. Когда эта мысль впервые пришла Эдиму в голову, она показалась ему чрезвычайно глубокой. Потом он понял: даже если в мире воцарится гармония, он не сможет быть ее частью. Бесспорно, он такой же человек, как все, не лучше и не хуже. Но нельзя не замечать одно печальное обстоятельство: людям, которых любит, он приносит одни несчастья. В очередной раз Эдим подумал о том, что его детям, его плоти и крови, возможно, будет лучше без него.

Не в состоянии заснуть, он покинул дом на рассвете. Деньги он взял с собой, хотя и понимал, что это чистой воды идиотизм. В Хакни полно воров и грабителей, которые ради такой щедрой добычи не задумываясь переломают ему ребра. Всякий раз, когда ему встречался прохожий, он покрывался холодным потом, вздрагивал и едва не пускался бегом.

На кондитерской фабрике Эдима встретили как короля. Все уже знали о его выигрыше. Во время обеденного перерыва к нему заглянул старший брат Тарик – поздравить и попросить об одолжении.

– Ты же знаешь мою жену, – сказал Тарик, понизив голос до доверительного шепота. – Она уже плешь мне проела из-за этой дурацкой кухни.

У Тарика была своя теория по поводу британских кухонь: их нарочно делают тесными и темными, чтобы люди не готовили дома, а ели в ресторанах и кафе или брали оттуда готовую еду. Все архитекторы, политики, общественные организации состоят в заговоре с владельцами ресторанов, которые платят им щедрые взятки. Стоило Тарику сесть на своего любимого конька, его обличениям не было конца.

На просьбу о деньгах Эдим ответил согласием, хотя и догадывался – старший братец вытянет из него куда больше, чем требуется на отделку кухни, а оставшиеся деньги положит на свой счет в банке. В последнее время Тарик стал бережливым и прижимистым. Трудно было поверить, что это тот самый человек, который в юности щедро поддерживал двух младших братьев. После смерти отца Тарик работал как проклятый, чтобы помочь встать на ноги Эдиму и Халилу. Но с годами у него развилась почти болезненная страсть к экономии, и теперь он

выдавливал из тюбика последнюю каплю зубной пасты, старался использовать все рекламные купоны, редко включал водонагреватель, пил спитой чай и все вещи покупал исключительно в секонд-хенде. Разумеется, всем членам его семьи было строжайше запрещено делать любые покупки без его разрешения, но получить это разрешение было практически невозможно. На все просьбы он неизменно отвечал: «Без этого мы вполне обойдемся».

– Ты когда-нибудь думаешь о матери? – со вздохом спросил Эдим.

В обычный день он никогда не позволил бы себе затевать подобные разговоры. Но теперь, после того как брат попросил его об одолжении, он чувствовал себя хозяином положения. Поделившись с братом деньгами, он имел право потребовать, чтобы тот поделился с ним своими воспоминаниями. Но вопрос прозвучал так неожиданно, что Тарик растерялся. Несколько минут он молчал, сдвинув брови и сморщив лоб, усеянный белыми пятнами – следами кожной болезни, которой он страдал с детства. Когда он наконец заговорил, голос его звучал резко, почти сердито:

– С какой стати я должен о ней думать? Она была недостойной женщиной, покрывшей семью позором.

«Неужели тебе не интересно узнать, жива она или нет? Есть ли у нее другие дети? Любит ли она их? Скучает ли о нас?» Все эти вопросы вертелись у Эдима на языке, но он не решился задать их брату. Вместо этого он хрипло произнес, нарушив затянувшееся молчание:

– Сегодня вечером я найду к тебе домой и принесу деньги. Скажи моей невестке, что совсем скоро она получит кухню своей мечты.

После заката Эдиму пришло в голову, что, если он отправится в казино и снова выиграет, денег у него станет в два раза больше, чем сейчас. Тогда он сможет дать денег Тарику и прочим родственникам, не требуя, чтобы они вернули долг. Вдохновленный этой благородной идеей, он отправился в клуб в Бетнал-Грин и снова встретил там женщину с аметистово-синими глазами. Она снова следила за вращением колеса рулетки, а он смотрел на нее. Эдим играл по-крупному. И проиграл. Абсолютно все.

*

Тюрьма Шрусбери, 1990 год

До вторника 14 ноября 1978 года я никогда не заикался. А в тот день я решил раздобыть нож.

Мы с друзьями сидели в школьной столовой. Все было как обычно: голубые пластиковые подносы, картофельная запеканка с мясом, рулеты с вареньем, пластиковые стаканы с водой. Я сытал шутками и вдруг – раз! – начал запинаться на каждом слове, как последний дебил. Это случилось так внезапно, что все подумали, будто я прикалываюсь.

Мы говорили о матче, намеченном на завтра. «Челси» должна была играть с московским «Динамо». Ариад – жирный коротышка, пакистанец, который мечтал играть в защите у «Ноттингем Форест», с важным видом рассуждал о том, с каким счетом наши парни сделают русских. Его никто не слушал – все знали, что в футболе он разбирается, как свинья в апельсинах.

Обиженный Ариад повернулся ко мне, подмигнул и ухмыльнулся – он всегда так делал, когда хотел что-то выпросить.

– Эй, приятель, вижу, ты уже сыт. Может, поделишься со мной своей запеканкой?

Я покачал головой:

– Я б-б...бы п-п-делился, д-да б-боюсь, у т-тебя б-брюхо лопнет.

Ариад уставился на меня, вытаращив глаза. То же самое сделали остальные. Все пялились на меня, точно видели в первый раз. Потом кто-то спросил, что означает это кваканье. Ребята расхохотались, решив, что я придуриваюсь. Я тоже смеялся вместе со всеми, в то время как внутри поднималась волна паники. Я подвинул свой поднос Ариаду и жестом показал, что он может доедать запеканку. Аппетит у меня пропал начисто.

Когда перемена кончилась, я вернулся в класс в подавленном настроении. Как могло случиться, что на меня напала такая фигня? Никто из моих родственников не был заикой. Или заикание не передается по наследству? Наверное, нет. А может, это просто короткий приступ? Что-то вроде незначительного сбоя в психике, который пройдет сам собой, так же внезапно, как и начался. А может, с моей речью уже все в порядке?

Чтобы проверить это, я спрятал часы в карман и подошел к двум девочкам, чтобы спросить, сколько времени. И... запнулся на первом же слого.

Девочки захихикали. Безмозглые кретинки! Наверное, они тоже подумали, что это прикол. Я отвернулся, красный как рак, и краешком глаза заметил, что в стороне стоит моя подружка, Кэти, и наблюдает за мной. Когда начался урок истории, она бросила мне записку. Развернув смятый клочок бумаги, я прочел:

«Мэгги, Кристи, Хилари. А если будет мальчик – Том».

Я сунул записку в карман. Через минуту Кэти бросила мне еще одну:

«Что с тобой случилось?»

Я пожал плечами, всем своим видом показывая, что со мной не случилось ровным счетом ничего. Однако моя пантомима, похоже, не убедила Кэти. Тогда я написал на листке: «Расскажу потом», скомкал его и бросил ей.

Весь урок я боялся, что учитель меня о чем-нибудь спросит, я начну заикаться и вызову шквал насмешек. К счастью, меня не вызвали. Как только пытка закончилась, я схватил рюкзак и бросился к дверям, решив наплевать на оставшиеся уроки и уйти домой.

Где-то в три тридцать я подошел к нашему дому и позвонил в колокольчик у дверей. Ожидая, пока мне откроют, я скользнул взглядом по табличке на дверях: «Эдим Топрак».

Моя сестра Эсма вывела эту надпись своим затейливым почерком. Поступившись при этом собственными принципами.

– Здесь живем мы все, – возмутилась она. – Почему на дверях должно быть написано только папино имя?

Эсма, несмотря на свой малый рост, вечно была увлечена грандиозными идеями: равные возможности для каждого, социальная справедливость, права женщин... Мои друзья считали ее или чокнутой, или коммунисткой. Дай ей волю, она повесила бы другую табличку: «Семья Топрак».

Или даже: «Эдим, Пимби, Искендер, Эсма, Юнус и золотые рыбки».

Мне-то было совершенно наплевать, что написано на дверях. Точнее, я предпочел бы отсутствие вообще какой-либо надписи. По крайней мере, это было бы честно. Отвечало бы истинному положению вещей. Потому что на самом деле здесь никто не жил. Я имею в виду, не жил по-настоящему. Все мы в этом доме только временно пребывали. Словно это был не дом, а дешевый отель, где вместо горничных простыни приходилось стирать маме, а на завтрак всегда давали одно и то же: дешевый сыр, черные оливки и жидкий чай без молока.

Допустим, настанет день, когда Ариад исполнит свою мечту и будет играть в лиге первого дивизиона. Возможно, он станет таскать в кармане фотографии королевы или купит шикарную машину и будет разъезжать в ней в обществе самых шикарных красоток. Но он все равно останется аутсайдером. Такие люди, как он, всегда остаются аутсайдерами. Как он и как мы. Сколько бы мы, Топраки, не прожили в этом городе, мы всегда будем здесь чужаками – наполовину турецкая, наполовину курдская семья, ютящаяся в захудалом районе.

Я снова позвонил в колокольчик. За дверью никакого движения. Куда, интересно, запропастилась мама? Пойти в «Хрустальные ножницы» она не могла, потому что несколько дней назад уволилась. После того как отец нас бросил, я стал главой семьи и не хотел, чтобы мама работала. Когда я сообщил ей об этом, она залилась слезами, но упираться не стала. Понимала, что у моего решения есть причины. Люди распускали о нас сплетни. А как известно, дыма без огня не бывает. Поэтому я сказал маме, что отныне она будет сидеть дома. Пока я не сумею погасить огонь.

В школе никто не знал, что творится у нас в семье. И я очень надеялся, что никто ничего и не узнает. Дом – это дом, школа – это школа. Даже Кэти я ничего не рассказывал. Подружка – это подружка, семья – это семья. Некоторые вещи лучше не смешивать. Как воду и масло.

Тут до меня дошло, что мама, наверное, ушла в магазин или по другим хозяйственным надобностям. Хорошо, что у меня был свой ключ. Я вынул его из кармана, вставил в замочную скважину и повернул. Но дверь не открылась. Она была заперта на засов с другой стороны. Внезапно я услышал за дверью шаги.

– Кто там? – донесся мамин голос.

– М-м-мама, эт-то я.

– Это ты, Искендер?

В ее голосе звучала паника, словно надвигалась какая-то катастрофа. До меня долетел чей-то приглушенный быстрый шепот, явно не мамин. Сердце бешено колотилось у меня под ребрами, мне не хватало воздуха. Я не мог двинуться с места, стоял у дверей и как дурак вращал ключ в замочной скважине. Прошла минута, а может, и больше, прежде чем дверь наконец отворилась.

Мама стояла в проеме, закрывая его собой. Губы ее были растянуты в улыбке, но в глазах метался испуг. Я заметил, что из ее конского хвоста выбилась прядь, а одна из петель на белой блузке застегнута не на ту пуговицу.

– Искендер, сыночек мой, – пропела она. – Ты сегодня рано.

Она явно была потрясена, вот только не знаю чем – тем, что я вернулся домой почти на три часа раньше, или тем, что я ее сыночек.

– Ты не заболел? – спросила мама. – Выглядишь неважно, мой султан.

«Не называй меня так, – хотел сказать я. – Вообще никак не называй». Вместо этого я снял ботинки и вошел внутрь, оттолкнув маму. Я направился напрямик в свою комнату, захлопнул за собой дверь и припер ее стулом, чтобы никто ко мне не вошел. Повалившись на кровать, я натянул на голову одеяло и сконцентрировался на дыхании – так, как учили нас в боксерской секции. Вдох. Выдох...

Снаружи доносились какие-то звуки: скрипели половицы, завывал ветер, мелкий дождь стучал по крышам. Несмотря на всю эту какофонию, я слышал, как открылась входная дверь и кто-то тихо, как мышь, выскользнул на улицу.

Всю жизнь я был уверен, что мама любит меня больше всего на свете. Я был ее первенцем, ее первым сыном, светом ее очей. Теперь все изменилось. Все полетело к чертям. По щекам моим текли слезы. Я ударил себя по щеке, чтобы успокоиться. Не помогло. Я ударил сильнее.

В коридоре раздались мамины шаги, тихие и ровные, как биение сердца. Она остановилась у моих дверей, но не осмелилась постучать. Мне казалось, я чувствую запах ее позора, казалось, что ее грех висит в воздухе и до него можно дотронуться. Бог знает, как долго мы оба выжидали, прислушиваясь к дыханию друг друга и пытаясь догадаться, о чем сейчас думает каждый. Потом она ушла – словно ей нечего было сказать, нечего было объяснить. Словно мое мнение, мой гнев, моя боль ровным счетом ничего для нее не значили. Она ушла, оставив меня в одиночестве.

Тогда я понял: все, что дядя Тарик рассказывал про мою мать, чистая правда. Еще я понял, что должен раздобыть нож. Складной, с деревянной рукояткой и острым изогнутым лезвием. Конечно, это было противозаконно. Никто не хотел навлекать на себя неприятности с полицией, продавая пружинный нож, тем более такому зеленому пацану, как я. Но я знал, куда идти. На примете имелся нужный человек.

У меня и мысли не было кого-нибудь зарезать. Все, что я хотел, – хорошенько ее припугнуть. Или его.

Искендер Топрак

Пикник с барбекю Стамбул, 1954 год

Все свое детство Эдим разрывался между двумя отцами: своим трезвым Баба и своим пьяным Баба. Два этих человека жили в одном теле, но различались как день и ночь. Контраст между ними был так разителен, что маленький Эдим думал, будто каждый вечер его отец выпивает некое волшебное снадобье. Это снадобье не превращало лягушек в принцесс и ведьм в драконов – оно превращало человека, которого он любил, в чужака.

Баба-трезвый был сутуловатым словоохотливым мужчиной, который обожал проводить время со своими тремя сыновьями: Тариком, Халилом и Эдимом. Куда бы Баба ни шел, он непременно брал с собой одного из мальчиков, и тот, на кого падал его выбор, был на седьмом небе от счастья. Везучий мальчик вместе с отцом отправлялся к его друзьям, прогуливался по улице Истиклал, а иногда даже шел к отцу на работу, в гараж поблизости от площади Таксим, где отец служил старшим механиком. Сюда пригоняли огромные машины со звучными труднопроизносимыми именами, здесь их ремонтировали или разбирали на части. «Шевроле бель эйр», «бьюик роудмастер», «кадиллак флитвуд» или же «мерседес-бенц». Мало кто в городе мог позволить себе подобные модели. Как правило, их владельцами были политики, бизнесмены, владельцы казино или футболисты. На стенах гаража висели фотографии, где сияющие механики были запечатлены рядом со своими влиятельными клиентами.

Иногда Эдим сопровождал отца в местную чайную, где они проводили весь день, попивая сахлеп⁵, липовый отвар или чай и наблюдая, как мужчины всех возрастов играют в триктрак и шашки. Главной темой разговоров завсегдатаев чайной была политика. Футболу и громким газетным публикациям тоже уделялось достаточно внимания. Когда приближались выборы, чайная накалялась от жарких споров. Премьер-министр – первый в истории страны министр, занявший свой пост путем демократических выборов, – заявлял, что демократическая партия, которую он возглавляет, на следующих выборах разобьет всех своих соперников наголову. Тогда никто и не догадывался, сколь трагическая участь ожидает этого министра, который на следующих выборах действительно будет избран на второй срок. Никто не мог предвидеть, что он закончит свои дни на виселице, куда его отправит военная хунта.

В такие ленивые, медленно тянущиеся дни Эдим в подражание Баба-трезвому, громко причмокивая, сосал кусочек сахара и держал стакан с чаем, оттопырив мизинец. В чайной было так накурено, что волосы Эдима насквозь пропитывались дымом и от них разило, как от пепельницы. Дома мать мальчика Айша хмурилась и сразу гнала его в ванную. Эдим повиновался с большой неохотой. Ему нравилось пахнуть табачным дымом – это позволяло чувствовать себя взрослым. Когда он однажды признался в этом отцу, Баба рассмеялся:

– Есть две вещи, которые превращают мальчика в мужчину. Первая – это любовь женщины. Вторая – ненависть другого мужчины.

Баба-трезвый объяснил, что те мужчины, которым знакома лишь любовь, становятся слишком мягкими и превращаются в сюнтяев, а сердца тех, кому знакома лишь ненависть, затвердевают подобно камню. Но тот, кому удалось испытать и то и другое, получает все необходимое, чтобы стать настоящим Стальным Клинком. Опытные мастера знают, что лучший способ закалить металл – сначала раскалить его на огне, а потом бросить в холодную воду.

– Мужчина подобен железу, сынок. Его нужно раскалить любовью и охладить ненавистью, – заключил Баба и смолк, давая сыну время усвоить урок.

⁵ Согревающий напиток из молока, сахара и корицы.

Эдима очень беспокоило, что он до сих пор не испытал столь сильных чувств, но он скрывал свою тревогу. В тот же год у него впервые случился приступ астмы – болезни, которая слегка затихла в отроческие годы, но так никогда и не покинула его окончательно, преследуя всю жизнь.

Время от времени Баба-трезвый приносил домой отходы со скотобойни, расположенной поблизости, – обрезки мяса, кости и требуху. В таких случаях он одалживал у своего начальника автомобиль и вез всю семью на пикник с барбекю. Эдим и два его брата, устроившись на заднем сиденье, хвастались, сколько сосисок или телячьих ножек они могут съесть за один присест. Баба, сидя за рулем, рядом с женой, отпускал шуточки, а иногда, если он пребывал в особенно благодушном настроении, начинал петь. Песни он предпочитал печальные, но исполнял их на редкость жизнерадостно. Автомобиль, нагруженный кастрюлями, сковородками и скатертями, несся к холмам над Босфором, и сердца всех его пассажиров были наполнены радостью и весельем. Поблизости от места, где они обычно устраивали пикник, располагалось кладбище, и это им не слишком нравилось, но тут уж ничего нельзя было поделать. Так повелось в Стамбуле с незапамятных времен: мертвым отводят самые красивые места, откуда открываются великолепные виды.

Выскочив из машины, мальчики подыскивали подходящее местечко в тени. Прежде чем разложить вещи, мать непременно читала молитву, испрашивая у тех, кто был здесь погребен, разрешения ненадолго потревожить их покой. К счастью, умершие всегда давали благоприятный ответ. После нескольких секунд напряженного ожидания Айша кивала, и тогда они расстилали покрывала и раскладывали подушки. Мать разжигала переносную плиту и принималась готовить мясо. Тем временем мальчики, одурев от счастья, носились вокруг, разоряя муравейники, охотясь за кузнечиками и играя в зомби. Соблазнительный запах жареного мяса наполнял воздух, и Баба потирал руки, предвкушая тот момент, когда откроет первую бутылку ракии.

Иногда он начинал медленно, постепенно набирая темп. Иногда срывался с места в карьер, один за другим осушая три стакана подряд. Впрочем, каким бы ни было начало, конечный результат всегда оставался неизменным.

Стоило Баба прикончить первую бутылку, в его поведении появлялись зловещие особенности. Он начинал хмуриться, бормотал под нос проклятия и бранил сыновей по таким ерундовым поводам, что уже через минуту никто не мог вспомнить, что именно вызвало его недовольство. Его раздражало буквально все: еда была слишком соленой, хлеб черствым, лед недостаточно холодным. Чтобы успокоить нервы, он открывал вторую бутылку.

К концу пикника, когда солнце клонилось к закату, чайки с криками носились над водой, а время, казалось, замирало, воздух был насквозь пропитан резким запахом аниса. Баба доливал в свой стакан воды, наблюдая, как прозрачная жидкость приобретает молочный оттенок, такой же мутный, как и его мысли. Через некоторое время он поднимался на шаткие ноги и, устремив печальный взгляд в сторону кладбища, произносил тост, обращенный к мертвецам.

– Вам здорово повезло, ребята, – говорил он. – Не надо больше выплачивать аренду, покупать бензин и кормить детей. Ваши жены при всем желании уже не смогут вас пилить. Ваши начальники уже не смогут вас уволить. Вы сами не знаете, какие вы счастливцы. – Могилы внимали этой речи, а ветер носил туда-сюда сухие листья. – Из праха мы пришли, в прах и уйдем, – провозглашал Баба.

Когда наставало время возвращаться домой, отец требовал, чтобы мальчики сели впереди, рядом с ним. И хотя они сидели тихо, как мыши, едва дышали и редко позволяли себе сказать хоть слово, приступ ярости все равно был неминуем. Причиной могло быть все, что угодно: выбоины на дороге, отсутствующий дорожный знак, бродячая собака, выскочившая перед машиной, новости, которые передавали по радио. Этот новый глава русских, Хрущев, похоже, сам не знает, что делает. Видно, мозги у него совершенно протухли от водки – дрян-

ного напитка, который не идет ни в какое сравнение с ракией. Насер слишком много ожидает от арабов, которые говорят на одном языке, но никогда не слушают друг друга. И почему только иранский шах не разведется со своей второй женой, которая явно не способна родить ему наследника?

– Что за бред! Этот мир катится к чертям!

Баба-пьяный на чем свет стоит ругал городские власти, мэра, политиков. Но, увы, лишь несколько счастливых минут его гнев был направлен на внешний мир, а не на собственную семью. Потом кто-то из сидевших в машине неизбежно совершал проступок, который провоцировал новую вспышку. Например, один из сыновей имел неосторожность резко шевельнуться, хихикнуть, икнуть, рыгнуть или пукнуть.

В тот день же Айша попросила мужа ехать помедленнее.

– Что это с вами творится? – осведомлялся Баба нарочито спокойным тоном, в котором, однако, таилась ярость. – Может, вы все же дадите мне спокойно вести машину? Или вы хотите вывести меня из себя? Вы этого хотите?

Ответом всегда бывало молчание. Мальчики смотрели на свои покрытые ссадинами коленки или же на муху, которая залетела в машину через открытое окно и теперь никак не могла выбраться наружу.

Баба повышал голос:

– Я вкалываю как проклятый! Каждый день! Каждый гребанный день! В лепешку разбиваюсь! Только для того, чтобы вас прокормить! Видно, все вы считаете меня мулом, который будет на вас пахать, пока не околеет!

Иногда кто-нибудь произносил: «Естагфурулах»⁶. Но попытка утихомирить отцовский гнев была изначально обречена на неудачу.

– Вы кровопийцы, вот вы кто! Вампиры, сосущие мою кровь!

Отец отпускал руль, чтобы продемонстрировать свои запястья, тощие и желтые.

– Только крови у меня уже почти не осталось – видели? Интересно, что вы все будете делать, когда я сдохну?

– Прошу тебя, держи руль, – шептала жена.

– Закрой свой поганный рот! Или ты собралась учить меня водить машину?

Эдим против воли чувствовал острую жалость к отцу, который, несмотря ни на что, был в этой ситуации жертвой. Каждая клеточка его тела изнывала от раскаяния. Они опять провинились. Опять расстроили отца, хотя он просил их не делать этого. Как хотелось Эдиму утешить Баба, поцеловать его руку и пообещать, что они никогда больше не будут сосать его кровь.

– Разве я учу тебя варить чечевицу? – расходился Баба. – Разумеется, нет. Потому что это твое бабское дело, а не мое. А водить машину не твоего ума дело, женщина. Что ты понимаешь в машинах своей глупой башкой?

Как-то раз отец нажал на тормоза так резко, что автомобиль завертелся на дороге, как на льду, и ткнулся носом в клумбу всего в нескольких ярдах от канавы. Эдим открыл глаза, потрясенный непривычной тишиной – полной тишиной, которая воцарилась в машине после этого происшествия. В этой тишине он расслышал не только шорох ветра, но и малейшее колебание воздуха. Его старший брат Тарик держал себя за локоть, лицо его было искажено от боли, губы изогнулись для стоны, который так и не сорвался с губ. Отец медленно открыл дверцу и выбрался наружу, его верхняя губа кровоточила. Он обошел машину и распахнул заднюю дверцу.

– Вылезай! – рявкнул он.

– Прошу тебя, не надо, – взмолилась бледная как смерть Айша.

– Я сказал – вылезай!

⁶ Дословно: «Твое здоровье, твоя доброта». Ныне это выражение используется в значении «конечно нет».

Баба схватил жену за руку, вытащил из машины и подтащил к капоту.

– Если ты так хорошо разбираешься в машинах, почини эту долбаную тачку! – скомандовал он.

На лице Айши не дрогнул ни один мускул. Баба пригнул ее голову к двигателю так, что она ударилась о железо лбом.

– Что? Ты не умеешь чинить машины?

Айша что-то пробормотала – так неразборчиво, что ни Эдим, ни его братья не смогли разобрать ни слова. Они слышали только, как Баба заявил:

– Тогда закрой рот на замок и не зуди мне под руку.

Совместными усилиями отец и два сына оттащили машину с клумбы. Тарик молча наблюдал за ними, баюкая свою сломанную руку. Мать стояла в стороне, глотая слезы. Всякий раз повторялось одно и то же. Каждый пикник начинался с радужных надежд, а завершался слезами и поломками.

Ночью Эдим с грустью убеждал себя том, что это другой Баба изрыгал ругань и проклятия, другой Баба в приступе ярости молотил кулаками по рулю, стенам и шкафам, по китайской горке с посудой, а когда этого оказывалось недостаточно, лупил ремнем всех, кто попадался под руку, а однажды так лягнул жену в живот, что она полетела с лестницы. Все это делал не настоящий Баба, говорил себе Эдим. Эта мысль не облегчала боль и не избавляла от сосущего страха, но помогала на следующее утро взглянуть в глаза отцу, который успевал протрезветь и вновь стать любящим и любимым.

Ключок правды

Лондон, декабрь 1977 года

Артистическая гостиная располагалась за кулисами. Никто, кстати, не называл ее так – только Роксана. Ей одной нравилось считать эту холодную, тесную комнатку, насквозь пропахшую табачным дымом, тальком, духами и потом, комфортным местом отдыха артистов между выходами на сцену. Это не означало, что она считает артисткой себя. Когда требовалось, она находила другие названия своей профессии: танцовщица, исполнительница экзотических танцев, аниматор.

Время близилось к полуночи. Меньше чем через пятнадцать минут должна была наступить ее очередь выходить на сцену. В первой части она танцевала самбу. Роксана придирчиво осмотрела свой костюм, усыпанный серебряными блестками. Диадема с роскошными пунцовыми перьями, лифчик, расшитый стразами, серебристые брюки, из которых она выскальзывала в конце шоу, открывая на всеобщее обозрение крохотные шелковые трусики-стринги. С привычной легкостью она открыла несессер, где хранились косметические кисти и спонжи различной величины. Множество женщин пользовалось этими старыми, потрепанными причиндалами. Спонжи потемнели и стали ноздреватыми, как грибы, кисточки покрылись засохшими комьями туши, тени и румяна нескольких оттенков отсутствовали, их опустевшие гнезда тарачились на нее, как пустые глазницы. Например, отсутствовал бирюзовый оттенок, а также платиновый и цвета шампанского, который особенно любила Роксана. Пришлось воспользоваться аметистовым. Ладно, и так сойдет.

Она закончила макияж, накрасила губы стойкой персиковой помадой, поправила свой блестящий бюстгальтер, стараясь, чтобы груди, которые едва не вываливались из него, выглядели как можно пышнее. Удивительно, но в Англии никогда не говорят «грудь». Каких только смешных слов здесь не придумают вместо этого: титьки, сиськи, даже «молокохранилища».

Как-то раз она танцевала в отдельном кабинете для пожилого джентльмена, – по слухам, он был членом парламента от партии консерваторов и сделал состояние на торговле мехом – и он сказал:

– Потряси хорошенько своими буферами, крошка.

Она не сразу поняла, какую часть ее тела он имеет в виду.

За последние годы она здорово поднатрела в английском, хотя акцент по-прежнему оставался сильным и сразу ее выдавал. Иногда она нарочно подчеркивала этот акцент, делая «р» более твердым и раскатистым, растягивая «у», обрубая «в». Если избавиться от акцента невозможно, пусть он бьет по ушам. Она будет говорить именно так, как должны, по мнению англичан, говорить русские, потому что всем своим знакомым Роксана сообщала, что приехала из России.

На самом деле она приехала из Болгарии. Но в Англии, особенно в Лондоне, где на улицах можно было услышать множество языков и наречий, люди мало что знали о ее родной стране. Балканы представлялись им причудливой формы пазлом, состоящим из множества кусочков, каждый из которых представлял собой загадку. Скажи Роксана кому-нибудь, что родом из Болгарии, ее собеседник ограничился бы тактичным кивком и не задал бы ни единого вопроса. Но стоило ей упомянуть, что она родилась и выросла в России, на нее обрушивался целый шквал вопросов. Это было интригующе и даже романтично – родиться в стране снега, водки, черной икры и, разумеется, вездесущих шпионов КГБ.

«Тому, кто пытается высоко взлететь, больно падать», – часто приходилось слышать ей. Но даже если это так, если в конце концов она разобьется вдребезги, если ее мечты окажутся несбыточными, игра стоит свеч, не так ли? Роксана создала себя сама. Она придумала себе имя

(которое мужчины неизменно переделывали в Рокси), национальность, прошлое и историю, которую рассказывала всем, кто готов был ее выслушать. Правду о себе она прятала под слоями лжи, бесчисленными, как нижние юбки дам Викторианской эпохи. Но сама ни на минуту не забывала о том, кто она на самом деле: девчонка из крохотного болгарского городка, выдающая себя за русскую, танцовщица, которая отплясывает бразильскую самбу в стриптиз-клубе, расположенном в самом центре Лондона.

* * *

Роксана, в полной готовности, с боевой раскраской на лице, стояла за кулисами, скрытая ярко-красным занавесом, который не стирали, наверное, несколько десятилетий. Выглянув сквозь шелку, она увидела, что клуб набит до отказа. Еще одна горячая ночь. Завсегда-таи перемежались с новичками: холостяками, теми, кто собирался вот-вот связать себя узами брака, разведенными и мужьями, уставшими от семейной жизни. Здесь были белые, черные и желтые. Были старые и молодые, но преобладали люди среднего возраста.

Она заметила его у стойки бара. Он медленно потягивал лимонад. Темноволосый турок, на лице которого застыло выражение бесконечного отчаяния. Этот тип носил унылые предчувствия, словно поеденный молью пиджак. Прежде она уже видела его в казино, куда ее пригласил один из владельцев-китайцев. Там она узнала его имя: Эдим. Она своими глазами видела, как он выиграл в рулетку уйму денег. Любой мужчина в подобном случае немедленно спускает все деньги до последнего пенни. Но этот явился на следующий день, снова сел за игру, ставил по крупному и проигрался в пух. Какая-то часть ее существа презирала его за глупость. Но другая восхищалась его смелостью и азартом.

С той поры он не пропускал ни одного шоу с ее участием и после выступления неизменно приглашал ее выпить. Был с ней очень внимателен, расспрашивал о прошлом, явно ожидая услышать самые мрачные признания. Единственный клочок правды, которым Роксана поделилась с ним, касался ее отца и его пристрастия к алкоголю.

– Да что ты?! – удивился он. – Значит, у наших стариков была общая проблема. Мой папаша умер от цирроза печени.

Роксана невольно сморщилась. Ее не интересовали грустные истории из жизни этого человека. Чужие печальные истории ей не нужны. Она предпочитала придумывать собственные истории, главное достоинство которых состояло в том, что они не имели ничего общего с действительностью.

Она постарается поскорее отделаться от этого зануды, скажет ему без околичностей, чтобы проваливал. Конечно, это его обидит, но так будет лучше – и для него, и для его семьи. Может, он снова станет верным мужем, хотя вряд ли. Когда мужчина утомляется от тоскливых будней и начинает шататься по стриптиз-клубам в надежде на романтическое приключение, путь домой ему заказан. Вернуться его может заставить только какая-нибудь сокрушительная катастрофа.

Страшная клятва

Лондон, октябрь 1977 года

Юнус был единственным ребенком в семье Топрак, который родился в Англии. По-английски он говорил свободно, по-турецки много хуже, курдского не знал вообще. Его каштановые волосы вились на концах, редкие веснушки на щеках и оттопыренные уши придавали ему мальчишеское обаяние. Голова у него была великовата, не вполне пропорциональна росту. Это оттого, что он слишком много думает, утверждала его мать. В зависимости от настроения и одежды, которую он носил, глаза Юнуса обладали способностью изменять свой оттенок. Иногда они напоминали цветом темно-зеленый лесной мох, иногда – листву мирта. Свое имя он получил в честь пророка Ионы, который имел склонность к дальним странствиям. Как известно, этот пророк, узнав, что Господь возложил на него обязанность возвестить людям истину, которую они не желали слышать, пустился в бега, рассчитывая увильнуть от своей великой миссии. В конце концов его проглотил кит, и в чреве чудовища Иона провел три дня и три ночи, одинокий и полный раскаяния.

Семилетний Юнус обожал слушать эту историю, лицо его светилось, когда он воображал утробу громадной рыбыны – темную, бездонную, влажную. Была еще одна причина, по которой суровое испытание, выпавшее на долю пророка, возбуждало его жгучее любопытство: подобно своему тезке Юнус предпочитал спастись от всех проблем бегством. Он убегал, если ему не нравилось в школе, убегал, если ему не нравилось дома. Стоило ему слегка заскучать, он вскакивал на ноги, готовый к очередному побегу. Несмотря на все усилия Пимби удержать сына дома, большую часть времени он проводил на улице и так хорошо изучил все закоулки и тупики Хакни, что мог показывать дорогу водителям такси.

Пимби часто повторяла, что все ее дети совершенно не похожи друг на друга, и это обстоятельство ставило ее в тупик. Юнус и в самом деле не походил ни на кого из членов своей семьи. Он был законченным интровертом, устремленным внутрь себя, и предпочитал любому обществу одиночество. Философ, мечтатель. Отшельник, живущий в невидимой пещере, способный видеть чудесное в самых обычных вещах и находить красоту повсюду. В то время как Искендер и Эсма постоянно кому-то завидовали, кем-то возмущались и с кем-то выясняли отношения, Юнус жил со всеми в ладу и принадлежал лишь себе одному. Все прочие Топраки по разным причинам ощущали себя в Лондоне чужаками. Один лишь Юнус чувствовал себя вполне комфортно. Спрятавшись в свой внутренний мир, он хотел только одного: чтобы его не вытащили наружу. Он вполне мог бы счастливо провести жизнь в чреве кита.

Пимби считала, он получился таким, потому что слишком рано покинул материнскую утробу и не получил достаточно материнского молока. Юнус единственный из ее детей родился раньше срока и отказывался от груди так упорно, что его пришлось выкармливать искусственно.

– И видите, что получилось? Он словно стенкой от всех нас отгорожен, – жаловалась она.

В то время как Искендер мечтал завоевать власть над миром, а Эсма стремилась мир изменить, Юнус хотел совсем другого: понять этот мир. Этим все его амбиции исчерпывались.

* * *

Ранней осенью 1977 года именно Юнус первым заметил, что с матерью творится что-то неладное. Она стала задумчивой и отрешенной, а несколько раз даже забыла выдать ему карманные деньги. К тому же мать перестала следить за его питанием и больше не уговаривала его есть побольше, что, по мнению Юнуса, было чрезвычайно тревожным признаком. Раньше

Пимби считала своим первейшим долгом накормить сына до отвала. Даже в день Страшного суда она сделала бы все от нее зависящее, чтобы он вознесся на небеса с полным желудком.

О себе Юнус ничуть не волновался – он всегда больше заботился о других. К тому же он нашел способ добывать больше карманных денег, чем когда-либо давала ему Пимби.

В нескольких улицах к северо-западу от его школы, на Мулинс-роуд, стоял некий дом. Просторный особняк Викторианской эпохи с крутой крышей, закругленным портиком и стрельчатыми арочными окнами, ныне покинутый всеми, кроме привидений, – так, по крайней мере, считали местные жители. Юнус обнаружил его во время одного из своих бесконечных странствий и выяснил, что, помимо привидений, здесь обитает молодежь. Панки, анархисты, нигилисты, пацифисты – в общем, неформалы всякого рода, социальные изгои и самые причудливые извращенцы. Разношерстный и пестрый сброд – впрочем, не слишком пестрый, ибо красный и черный цвета явно преобладали над прочими. Никто из семьи Топрак не знал, каким образом Юнус свел знакомство с этой компанией. Так или иначе, маленький задумчивый мальчуган пришелся там ко двору. Его посылали с поручениями, когда все прочие были не в состоянии выйти на улицу или просто ленились сделать это. Хлеб, сыр, ветчина, молоко, шоколад, сигареты, папиросная бумага для самокруток... Вскоре Юнус уже знал, где все это можно купить как можно дешевле...

Иногда его просили доставить маленькие аккуратные пакетики, которыми снабжал молодежь некий азиат с суровым лицом, живший в десяти минутах езды на велосипеде от особняка на Мулинс-роуд. Этого поручения Юнус побаивался, хотя азиат всегда давал ему щедрые чаевые и не задавал никаких вопросов. В доме азиата все пропиталось отвратительным запахом – запахом разложения и болезни. Правда, такой же запах, иногда даже хуже, стоял в заброшенном особняке. Но все же там сквозь густую всепроникающую вонь пробивались ароматы цветов, пряностей, травы и листьев – ароматы жизни.

Деревянная лестница, ведущая на верхние этажи особняка, так расшаталась и прогнила, что каждый раз, когда кто-то поднимался или спускался по ней, казалось, она вот-вот рухнет. Межкомнатные двери на первом и втором этажах захватчики разобрали, устроив себе просторные спальни: даже ванны они использовали как кровати. Третий этаж они называли агорой. Здесь обитатели особняка, подобно древним грекам, собиравшимся на площади в центре города, устраивали дискуссии, дебаты и подчас решали спорные вопросы путем голосования.

В агору сволокли почти всю сохранившуюся в доме мебель: антикварные лампы, кресла, стулья, среди которых не нашлось бы и двух парных, диваны, во многих местах прожженные сигаретами. На полу лежал пунцовый восточный ковер. Никто не знал, как он здесь очутился. Местами потертый, он все еще был в приличном состоянии и, несомненно, являлся самым ценным предметом обстановки. Повсюду громоздились пирамиды книг, кипы журналов и фанатских буклетов, батареи невымытых кофейных кружек и стаканов из-под вина, на полу валялись пачки с недоеденным печеньем и зачерствевшими бисквитами, губные гармошки. Здесь же валялся сломанный кассетный магнитофон, который никто не собирался чинить. Все здесь принадлежало всем и одновременно не принадлежало никому.

Численность обитателей дома никогда не бывала постоянной. Это Юнус понял во время своего второго визита, встретив множество новых лиц и не найдя тех, с кем он познакомился в прошлый раз.

– Этот дом вроде здорового корабля, – с усмешкой объяснил один из парней. – Да, именно корабля, на котором все мы плывем в неизвестность. По пути некоторые пассажиры выходят на берег, а другие поднимаются на борт.

Волосы у парня были выкрашены в желто-канареечный цвет и торчали в разные стороны, словно языки пламени. Можно было подумать, на голове у него горит костер.

– Да, это наш Ноев ковчег, – подхватила юная ирландка с миндалевидными глазами, иссиня-черными волосами и ослепительной улыбкой. Она повернулась к Юнису и представилась: – Привет. Меня зовут...

Но Юнус не расслышал, как ее зовут. Ни тогда, ни потом. Словно зачарованный, он смотрел на кольцо в ее нижней губе, сережки в бровях и в носу, на татуировки, сплошь покрывавшие ее руки, плечи и грудь. Заметив его изумление, девушка предложила ему подойти поближе и показала ему самые примечательные из своих татуировок, словно коллекционер, который знакомит гостя со своим собранием картин.

На левой руке выше локтя у нее был изображен лучник, потому что она родилась под знаком Стрельца. А для того чтобы стрелок не чувствовал себя одиноким и несчастным, рядом с ним красовался ангел с золотой лютней в руках. Огромный лотос раскинул свои лепестки по обоим ее плечам, корни его тянулись по спине до самой поясницы. На правой руке красовалась цветущая роза, под которой была выведена надпись: «Тобико».

– А это что?

– Это длинная история, – пожалла плечами девушка.

– А моя сестра говорит, длинных историй нет в природе. Есть только короткие истории и те, которые мы почему-то не хотим рассказывать.

– У-у, прикольно. А чем занимается твоя сестра?

– Хочет стать писательницей. Собирается писать романы, где никто не будет влюбляться. Говорит, любовь – это для дураков.

Девушка расхохоталась. Потом рассказала ему историю своей татуировки. Прежде на запястье у нее было выведено имя Тоби. Так звали ее бойфренда. Он был музыкантом и никогда не просыхал. Но она все равно его любила. Однажды она сказала ему, что беременна, хотя это было неправдой – ей просто хотелось увидеть его реакцию. Когда мужчины узнают подобную новость, их реакция бывает непредсказуемой. Они обнажают свою скрытую суть – нежные и ласковые внезапно становятся жестокими, а бесчувственные отморозки неожиданно проявляют понимание и сердечность и ведут себя как настоящие дзен-буддисты.

– И как же отреагировал твой бойфренд?

– Как последняя гнида.

Тоби с ходу выразил сомнение в том, что это его ребенок. Но даже если она залетела от него, сказал он, надо избавиться от этой фигни как можно скорее. После этого она его бросила, хотя решиться на такой шаг было нелегко. Что касается татуировки, вывести ее практически невозможно, а если попытаться, наверняка останется шрам. Она ничего не имеет против шрамов, – в конце концов, это часть жизни, – но не желает оставлять на теле воспоминание об этом ублюдке. Поэтому она сходила в тату-салон и попросила переделать «Тоби» на «Тобико».

– Круто. А что значит это слово?

– О, это классная японская жратва. Яйца летающей рыбы.

– Яйца летающей рыбы, – шепотом, как заклятие, повторил Юнус. Он представил себе, как из воды выскакивают десятки летающих рыбин и, посверкивая чешуей, летят в сторону заходящего солнца. Юнус, мальчик, названный в честь пророка, сумевшего выйти живым из чрева кита, впервые в жизни влюбился.

С того дня он при малейшей возможности отправлялся в дом на Мулинс-роуд. Обитатели заброшенного особняка ничего не имели против присутствия мальчугана, даже если никаких поручений для него не находилось. Он усаживался рядом с Тобико и ловил каждое ее слово, хотя редко мог принять участие в разговоре. Безработица, ложное сознание, права трудящихся, социальная справедливость, культурная гегемония... Юнус усвоил, что если ты находишься вне капиталистической системы, то практически не имеешь шансов изменить ее. Но если ты станешь частью этой системы, она разрушит твою душу. Как же внедриться в это гребаное мироустройство и в то же время сохранить свою независимость? Юнус старательно напрягал

мозги, прихлебывая обжигающий чай. Но найти хоть сколько-нибудь вразумительный ответ ему так и не удалось.

По ночам Юнусу снилось, что старый особняк плывет по морю, которое сливается с небом, где парят чайки. А все его друзья, жители дома-ковчега, плещутся в воде абсолютно голые, веселые и беззаботные, как русалки. Тобико тоже здесь. Она стоит на выступе морской скалы, ее длинные волосы развеивает ветер, и она машет ему, сияя от счастья. Юнус машет ей в ответ и плывет, рассекая голубую гладь. Солнечные лучи греют его лицо, мускулы слегка ноют от напряжения.

Утром он просыпался на мокрых простынях.

* * *

Обитатели особняка редко занимались стряпней. Единственное блюдо, которое они готовили, называлось «чили кон карне» и представляло собой смесь мясного фарша, консервированных томатов и фасоли. Обед обычно состоял из печенья, шоколада, яблок, бананов и пирогов, срок годности которых близился к концу. Когда на Тобико находило боевое настроение, она пекла изумительные лепешки, пуская в дело все, что находилось в кухне, и щедро добавляя в тесто гашиш.

Муниципальный совет Хакни давно уже собирался выселить незаконных обитателей дома, чтобы отремонтировать здание и продать его за хорошую цену. Между неформалами и представителями власти шла упорная война. Узнав, что умельцы сумели подключить особняк к электросети, власти положили этому конец. После этого во всех комнатах зажглись свечи и масляные лампы, бросавшие на стены причудливые тени. Туалет постоянно засорялся, и по всему дому распространялось зловоние. Юнус никак не мог взять в толк, что удерживает здесь Тобико. Если бы он был взрослым, имел работу и собственную квартиру, то предложил бы ей переехать к нему. Но она, возможно, позвала бы Капитана, а Капитан притащил бы с собой всю банду, потому что он лидер, а лидеру нужны те, кто идет за ним. И через несколько дней его квартира ничем не отличалась бы от дома-ковчега.

Парень, которого все называли Капитаном, был долговязым и тощим, как ивовый прут. Длинные волосы падали ему на лицо, почти закрывая серые, жесткие, как кремнь, глаза. Зубы его пожелтели от табака, на всех пальцах, даже на больших, он носил по кольцу. Он привык говорить вслух все, что приходит в голову. Рассуждать он любил больше всего на свете, его хрипловатый голос дрожал от страсти, когда он разглагольствовал на какую-нибудь волнующую тему, а слушатели внимали ему, как замороженные. Именно Капитан прозвал Юнуса чуркой. Мальчик никогда прежде не слышал этого слова, и оно ему не понравилось.

– Не переживай, – сказала Тобико, когда Юнус поделился с ней своей обидой. – Он не имел в виду ничего плохого. Капитан ведь не расист какой-нибудь. Нельзя одновременно быть расистом и антифашистом – верно?

Юнус в ответ лишь озадаченно моргал.

– Конечно, он любит навешивать на людей ярлыки, – продолжала Тобико. – Но лишь для того, чтобы для себя расставить всех по местам. Так уж он устроен.

– Моя сестра, Эсма, тоже любит слова, – вставил Юнус, прекрасно сознавая, что более глупое замечание трудно придумать.

– Капитан не любит слова, – улыбнулась Тобико. – Он занимается с ними любовью.

Наверное, на лице мальчика одновременно отразились зависть и уныние, потому что Тобико внезапно прижала его к себе и поцеловала в лоб.

– Ох, милый, как было бы здорово, будь ты лет на десять постарше! – воскликнула она.

– Я буду, – уверенно заявил Юнус, зардевшийся до ушей. – Через десять лет.

– Зайка, через десять лет я превращусь в старую морщинистую каргу, – рассмеялась Тобико и взъерошила ему волосы. Это был ее любимый жест, а Юнус его ненавидел, хотя сам себе в этом не признавался.

– Хорошо, тогда я вырасту быстрее, – пообещал Юнус.

– О, кто бы в этом сомневался. Ты уже и сейчас самый взрослый маленький мальчик, которого я когда-либо знала.

И она снова поцеловала его, на этот раз в губы. Поцелуй был легким и влажным. Юнусу показалось, что его губ коснулись дождевые струи.

– Всегда оставайся таким, какой ты сейчас, – прошептала Тобико. – Никогда не становись винтиком этой гребаной системы.

– Хорошо.

– Дай мне слово, что не будешь меняться. Нет... подожди. Поклянись чем-нибудь, что для тебя важно.

– Коран сгодится? – застенчиво спросил Юнус.

– Вполне.

В тот день семилетний Юнус, сердце которого билось, как пойманная птица, а губы отчаянно дрожали, поклялся Аллаху, что никогда не станет винтиком гребаной капиталистической системы, хотя совершенно не понимал, о чем идет речь.

*

Тюрьма Шрусбери, 1990 год

Наконец-то он прибыл. Плакат с портретом Гарри Гудини. Человека, которого было невозможно заковать ни в цепи, ни в кандалы. Человека, способного убежать из любой тюрьмы. Моего кумира. Это один из его ранних снимков. Черно-белая фотография, точнее, черно-бело-серая. Гудини на ней совсем молодой. Тонкий, как проволока, маг с высоким лбом и взглядом, который проникает внутрь тебя. Рукава смокинга закатаны, и видно, что запястья сковывают не меньше дюжины наручников. На лице ни малейшего следа страха, лишь выражение рассеянной задумчивости. Можно подумать, он погружен в какую-то сладкую мечту.

Я прикрепил плакат на стену. Триппи, увидав его, ухмыляется. Моего сокамерника зовут Патрик, но этого уже никто не помнит. Всякий раз, когда его что-нибудь поражает – а это случается достаточно часто даже в таком тоскливом месте, как тюрьма, – он восклицает: «Триппер мне в задницу!» Отсюда и прозвище.

Триппи моложе, чем я, и малость ниже ростом. Кожа у него желтая, на макушке проглядывает лысина, зато ресницы просто шикарные, а глаза темно-карие. Несмотря на его зрелый возраст, мать Триппи считает своего сыночка невинным дитятей, попавшим в дурную компанию. Так считают почти все матери, и обычно это полная хренотень. Но Триппи – исключение. Славный паренек из Стафффорда действительно связался с какими-то подонками. Потом подонки сумели отмазаться, а Триппи впаяли десятку. Подобные штуки в порядке вещей. Настоящие отморозки умеют выходить сухими из воды. А те, кто только строит из себя отморозка, получают по полной. Что ж, они это заслужили. Я так считаю: разыгрывать из себя отморозка куда хуже, чем быть им на самом деле.

Триппи напоминает мне младшего брата, Юнуса, хотя я никогда не говорю ему об этом. По Юнусу я скучаю сильнее всего. Я никогда не был ему хорошим братом. Когда я был ему нужен, мне было не до него – я вел свою битву, обреченную на поражение.

Сейчас Юнус стал большим человеком. Он талантливый музыкант. По крайней мере, так говорят. За двенадцать лет он приезжал ко мне всего два раза. Эсма приезжает до сих пор, хотя ее тоже уже давно не было. Во время наших свиданий она всякий раз начинает разглагольствовать о том, как сильно она по мне скучает, как сильно меня жалеет и как сильно ненавидит. Именно в таком порядке, как я перечислил. А Юнуса я не видел много лет. Он перегрыз веревку и пустился наутек. Он всегда так делал. Самые горькие упреки Эсмы задевают меня меньше, чем нежелание младшего брата со мной встречаться. Мне бы очень хотелось, чтобы он простил меня. Простил бы от всего сердца. Конечно, я понимаю, что он не может меня любить. Об этом и мечтать нечего. Но если бы он меня простил, это было бы лучше для него самого. Злоба – сильный токсин, способный вызвать рак. Люди вроде меня привыкли исходить злобой, но Юнус заслуживает лучшего.

– Что это за чувак? – спрашивает Триппи, указывая на плакат.

– Он был великим магом. Лучшим фокусником на земле.

– Правда?

– Правда. Секреты некоторых его фокусов до сих пор не раскрыты.

– Он заставлял людей растворяться в воздухе?

– Не только людей, но даже слонов.

– Триппер мне в задницу!

Весь день мы говорим о Гудини, так что головы у нас вспухают от историй, а у Триппи еще и от наркоты. Я тоже иногда не прочь выкурить косячок-другой. Но никаких таблеток мне на фиг не нужно. Тем более я не собираюсь подсаживаться на иглу. В жизни этим не баловался и не собираюсь начинать. От этой дряни мигом склещишь ласты. Когда я говорю Триппи, чтобы кончал себя гробить, он посасывает большой палец и заявляет: «Я не грудной младенец!»

– Заткнись лучше!

Триппи в ответ усмехается, словно капризный ребенок. Что взять с человека, у которого мозги прокисли от наркоты. Но он никогда не позволяет себе слишком зарываться. Триппи знает, он единственный, кто может позволить себе разговаривать со мной в подобном тоне. И знает, что мое терпение имеет свой предел.

Вечером в нашу камеру приходит охранник по имени Мартин в сопровождении какого-то увальня, которого мы никогда раньше не видели. Я замечаю, что у парня ямочка на подбородке, а волосы такие черные, словно он их красит.

– Офицер Эндрю Маклаглин сегодня приступил к своим обязанностям, – сообщает Мартин. – Мы совершаем обход камер.

Мартин скоро уходит на пенсию и хочет, чтобы мы прониклись уважением к его премнику. В воздухе висит молчание, потому что никто из нас не знает, что надо говорить в таких случаях. Тут взгляд Мартина падает на плакат, висящий на стене.

– Это кто повесил? – спрашивает он и, не дожидаясь ответа, поворачивается ко мне. – Наверняка ты!

Мартин – паршивый актер. Он уже видел этот плакат. Если бы он не дал разрешения, я никогда не выписал бы его по почте. Но сейчас он делает вид, что для него это новость. Наверное, хочет показать новичку, что, несмотря на свой преклонный возраст, не упускает из виду ни единой мелочи. Начинает разглагольствовать о том, что за годы службы насмотрелся на всякие фотки. Чьих только портретов арестанты не вешают на стены – тут и жены, и дети, и кинозвезды, и футболисты, и игроки в крикет. Некоторые вешают иконы, другие – голых красоток из «Плейбоя». Но портрет Гудини – это круче всего.

– Похоже, ты малость спятил, – хихикнув, предполагает Мартин.

– Не исключено, – соглашаюсь я.

Офицер Маклаглин подходит ко мне поближе и принохивается, словно охотничья собака, берущая след.

– Может, он планирует побег? – замечает он. – Гудини был большим мастером внезапных исчезновений.

И как он только до этого додумался? Я чувствую, как на висках у меня пульсируют жилки.

– С чего это вы взяли?

– Да? – спрашивает Мартин, и взгляд его внезапно становится жестким. – Зачем ему бежать?

Он поворачивается к новому охраннику и поясняет:

– Алекс поступил к нам в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году. Ему осталось всего два года до окончания срока.

– Год и десять месяцев, – уточняю я.

– Именно так, – кивает Мартин.

На лице его, как обычно, соперничают два чувства: отвращение и уважение. Отвращение я заметил с самого первого дня нашего знакомства. Какое еще чувство можно испытывать к человеку, который совершил худшее из всех возможных преступлений и самым паршивым образом распорядился своей жизнью, дарованной Богом? Уважение появилось намного позднее, совершенно неожиданно. После того, как мы много лет прожили бок о бок и хорошенько друг друга узнали.

Но лицо офицера Маклаглина ни малейшего уважения не выражает.

– Я помню ваше дело, – бесцветным голосом говорит он. – В свое время читал о нем в газетах и никак не мог понять, как человек мог совершить такое. Убить собственную мать!

До меня доходит, что мы ровесники. И не только ровесники. У нас, если можно так выразиться, общий исходный материал. Мы болтались по одним и тем же улицам, целовали одних и тех же девочек. Меня охватывает странное чувство – словно я гляжусь в кривое зеркало. Маклаглин – это тот, кем я мог бы стать, пойдя я другим путем. А я тот, кем мог бы стать он, если бы не сумел увернуться от подобной судьбы.

– Вам ведь дали четырнадцать лет – верно? Какой позор! – произносит Маклаглин.

Мартин недовольно откашливается. Не следует напоминать заключенному о его преступлении мимоходом, словно это такая же подходящая тема для непринужденной болтовни, как погода. На разговоры о прошлом наложен строжайший запрет, да и в разговорах этих нет ни малейшей надобности. Если ты сидишь в тюрьме, ты и так находишься в плену у собственного прошлого.

– За последние годы Алекс сильно изменился, – сообщает Мартин тоном гида, который знакомит туристов с местными достопримечательностями. – У него был тяжелейший период, но он сумел его преодолеть.

Славный старина Мартин. Восхищаюсь его оптимизмом. Честно говоря, я был в аду. И он прекрасно знает, так же как и Триппи, так же как и призрак моей матери, что в этом аду я пребываю и по сей день.

Репутация в этом заведении у меня прежде была ужасная. Думаю, и сейчас она не лучше. Я легко выхожу из себя. Невозможно предугадать, какая ерунда доведет меня до бешенства. Я и сам этого не знаю. Иногда меня переклинивает без всякой причины. Если я пускаю в ход кулаки, лучше не подворачиваться под мой удар левой. Иногда у меня просто сносит крышу, и после я не могу вспомнить, что натворил. Обычно так ведут себя наркоманы. Когда у них кончается дурь и начинается ломка, они становятся неуправляемыми. Но я-то ведь не наркоман. И это делает мои приступы ярости особенно страшными. Ведь я бешусь на трезвую голову. Мне хочется причинить себе боль. И я бьюсь головой об стену. Словно хочу выбить оттуда все, что там накопилось. Я тушу сигареты о собственные ладони, и они распухают,

как подушечки. Я кромсаю лезвием собственные ноги. Отрезаю от них куски мяса. Удивительно, сколько мяса нарастает у человека на ногах. На голених, на бедрах. Так что работы хватает. В Шрусбери лезвие ценится дороже бриллианта, но все же достать его можно.

– У вас обоих будет возможность узнать друг друга получше, – говорит Мартин.

– Конечно будет, – кивает офицер Маклаглин.

Триппи с тревогой наблюдает за нами. Он понимает, что происходит. Множество раз видел подобные дела. Если охранник невзлюбит кого-нибудь из заключенных, бедолаге не позавидуешь. Наше с Маклаглином знакомство не предвещает ничего хорошего.

Мартин вновь пытается разрядить обстановку.

– Алекс – прекрасный боксер, – сообщает он, по-прежнему подражая гиду. – Он и сейчас в прекрасной форме. А когда учился в школе, завоевал медаль на боксерских соревнованиях.

Трудно сморозить большую глупость в мою защиту. Неудивительно, что никто не смеялся. Но я все равно признателен Мартину за поддержку. Хочу поблагодарить его хотя бы взглядом, но не могу. Отвести глаза от молодого офицера, хотя бы на долю минуты, означает признать свое поражение.

Этот тип должен понять, что меня на испуг не возьмешь. С тех пор как я последний раз позволил страху одержать над собой верх, прошло больше двадцати лет. Тогда я был сопливым мальчишкой и жутко испугался обрезания. Попытался бежать, но это не помогло. С тех пор я никогда не даю слабину. Может, я бываю неправ. Чертовски неправ. Но никогда не сдаюсь. Поэтому я таращусь на него, не отводя глаз. Не мигая. А офицер Маклаглин таращится на меня. Наверное, по тем же самым гребаным причинам.

А потом они оба уходят.

* * *

Я внезапно просыпаюсь посреди ночи. Поначалу мне кажется, что призрак матери явился вновь. Но нет, я не ощущаю ее присутствия. Не слышу звука, похожего на шорох сухих листьев, не вижу легкого свечения, напоминающего лунные блики. Лишь Триппи храпит, пердит и скрипит зубами во сне, сражаясь с полчищами демонов.

Я сажусь и оглядываюсь по сторонам, пытаюсь понять, что меня разбудило. И наконец вижу. На полу лежит газета. Кто-то просунул ее сквозь зарешеченное оконце в дверях. В тусклом свете, проникающем из коридора, я поднимаю газетный листок. Это вырезка из «The Daily Express».

Подросток убил свою мать, защищая «семейную честь». 2 декабря 1978 года.

Шестнадцатилетний подросток турецко-курдского происхождения, проживающий в Хакни, нанес своей матери смертельный удар ножом, защищая семейную честь. Искендер Топрак убил Пимби Топрак возле дома на Лавендер-гроув, где жила семья.

Как стало известно, тридцатитрехлетняя мать троих детей имела внебрачные отношения с мужчиной. По словам соседей, в последнее время Эдим и Пимби Топрак не жили вместе, хотя их брак не был расторгнут. «Если отец семейства отсутствует, старший сын берет на себя обязанность охранять честь семьи, а Искендер был старшим», – сообщил один из свидетелей трагедии. Сейчас полиция выясняет, действовал ли подросток, который до сих пор находится на свободе, по собственной инициативе, или же прочие члены семьи, разработав план возмездия, использовали Искендера как оружие.

Представитель Скотленд-Ярда сообщил «Таймс», что подобный случай не первый и не последний в Великобритании и Европе. В настоящий момент полиция расследует 150 убийств, связанных с вопросами семейной чести.

«Полагаю, что на самом деле число таких убийств значительно больше, так как далеко не все случаи попадают в поле зрения полиции, – сказал представитель Скотленд-Ярда нашим корреспондентам. – Часто семьи ухитряются скрыть произошедшую трагедию. Жертву объявляют уехавшей в неизвестном направлении, все следы заматаются».

«Дiasпоры, где семейная честь ценится значительно дороже, чем человеческая жизнь, растут как раковая опухоль и представляют огромную опасность для современного общества», – утверждает представитель Скотленд-Ярда.

У меня так трясутся руки, что газетный листок выскальзывает из пальцев, словно подхваченный ветром. За сигарету я отдал бы полжизни. Или за глоток виски. Крепкого виски, отшибающего мозги. Мой отец знать не знал, что мы с парнями частенько баловались пивом и сидром. Виски, правда, никогда себе не позволяли. Виски – это высшая лига. Я впервые попробовал виски здесь. В тюрьме можно получить все, что угодно, если знать правильные подходы.

Я поднимаю листок, складываю вдвое, загибаю уголками в середину. Квадрат, два треугольника, прямоугольник... Через несколько секунд в руках у меня бумажный кораблик. Я опускаю его на пол. Жаль, что здесь нет воды, чтобы он отправился в плавание. Нет ветра, чтобы раздуть его паруса. Поэтому кораблик недвижим. Он всегда будет здесь. Как и боль, сдавившая мне грудь.

Искендер Топрак

Эсма

Лондон, декабрь 1977 года

Мы жили в Хакни, на улице, которая называлась Лавендер-гроув. Мама была до крайности разочарована, выяснив, что название улицы совершенно не соответствует истине и лаванда здесь не растет и никогда не росла. Она не расставалась с надеждой найти хоть один куст лаванды – может, в чем-нибудь саду или на клумбе. Мечтала полюбоваться нежно-лиловым ковром.

Мне нравилась улица, нравился район. Парикмахерские, где плели африканские косички, ямайские кафе, еврейские булочные, прилавки с фруктами, которыми торговал мальчишка из Алжира. Он ужасно смешно произносил мое имя и всякий раз вручал мне какой-нибудь маленький подарок. За углом жили нищие музыканты, которые каждый день репетировали с открытыми окнами, благодаря чему я имела возможность познакомиться с музыкой Шопена, хотя понятия не имела о том, кто это такой. Художник, который работал на рынке на Ридли-роуд, готовый нарисовать портрет всякого, кто выложит за это десять шиллингов, однажды нарисовал мой совершенно бесплатно, за одну лишь улыбку. В общем, здесь царило смешение национальностей, рас и религий.

Прежде чем перебраться сюда, мы жили в Стамбуле. Там мы с Искендером провели первые годы детства, но теперь мне кажется, это было не только в другой стране, но и в другой жизни. В мае 1970 года, незадолго до рождения Юнуса, мы переехали в Англию. Память нашей матери, как и у всех эмигрантов, была избирательна. Когда она вспоминала о прошлом, воображение ее рисовало исключительно приятные картины: теплое солнце, горы пряностей на рыночных прилавках, запах моря, приносимый ветром. Покинутая родная страна оставалась для нее частью земного рая, Шангри-Ла, убежищем, куда она всегда может вернуться, если не в реальности, то хотя бы в мечтах.

Мои воспоминания были не только радужными. Уверена, дети и родители хранят в памяти разные эпизоды жизни. Возвращаясь мыслями к нашей квартире в подвале старого дома, я вспоминала мебель, обтянутую голубой тканью, круглые вышитые салфеточки на кофейном столике и кухонных полках, заросли плесени на стенах, окна, выходящие на тротуар. Я помню, что в нашем полутемном жилище всегда хрипло орало радио, а в воздухе ощущался запах гниения.

Когда мы жили там, я была совсем крохой. Целыми днями сидела на ковре и, открыв рот, таращилась на окна, расположенные под самым потолком. Я видела только множество человеческих ног, снующих туда-сюда. Люди спешили на работу, в магазин или просто прогуливались.

Это была наша любимая игра – наблюдать за ногами прохожих и пытаться угадать, кто они, куда и зачем идут. Мы играли в нее вдвоем: я, Искендер и мама. Например, мы видели пару изящных лакированных туфель, которые передвигались легко и быстро, весело цокая по мостовой высокими каблучками.

– Думаю, эта девушка идет на свидание с женихом, – предполагала мама и тут же рассказывала увлекательную историю любви, преодолевающей все препятствия. Искендер тоже был мастером в этой игре. Увидав пару грязных поношенных мокасин, он мог моментально измыслить историю о бедолаге, который давно уже мается без работы и дошел до такого отчаяния, что теперь идет грабить банк, расположенный за углом. Только ничего у него не выйдет, завершал свой печальный рассказ Искендер. Его застрелит охранник.

Солнце в наш подвал не проникало, а вот дождевая вода туда попадала в изрядных количествах. Мелкий морозящий дождь не представлял для нас угрозы, но стоило зарядить настоя-

щему ливню, водосточные трубы в доме быстро переполнялись и дальняя комната нашей квартиры, служившая чем-то вроде кладовой, превращалась в мутное темное озеро. Деревянные подносы, бамбуковые корзинки, рамы для картин были отличными пловцами. Железные противни, разделочные доски, чайники, пестики и ступки ожидала более печальная участь – они не умели плавать. Стеклянная ваза, стоявшая на столике, моментально шла ко дну, а пластиковые цветы весело покачивались на поверхности воды. В дальней комнате хранился скребок, которым чесали спину... Мне всегда хотелось, чтобы он тоже утонул, но он этого не делал.

Родители постоянно твердили, что нам нужно сменить квартиру. Но даже если бы им удалось собрать деньги и отыскать в нашем бедняцком районе более солнечный подвал, не было никакой гарантии, что его не затопит при первом же проливном дожде, которыми славится Стамбул. К тому же за годы, проведенные в этой квартире, они не только привыкли, но и привязались к ней. Дом, пусть сырой и темный, но это все-таки был дом.

Стамбул... За свою жизнь я запомнила названия великого множества городов, но медленный водоворот моей памяти вновь и вновь выносит на поверхность именно это слово. Произнося его, я ощущаю, как оно перекачивается на языке, и тихонько, с наслаждением посасываю его, словно леденец. Если сравнивать с конфетой Лондон, то он, по-моему, напоминает сливочную ириску – сладкую, жестковатую, вполне традиционную. А вот Стамбул – это, несомненно, вишнево-лакричный леденец, смесь несовместимых вкусов, превращающая кислое в сладкое и сладкое в кислое.

* * *

Мама начала работать вскоре после того, как отец спустил в казино сумму, равную двум его месячным зарплатам. Деньги были нам нужны как никогда. Пока Искендер был в школе, мама ходила по домам богатых людей, нянчила их малышей, готовила еду, мыла посуду, убирала, гладила и в дополнение ко всему зачастую служила хозяйкам плечом, на котором они выплакивали свои горести. Я оставалась на попечении соседки, старухи, которая плохо слышала, ужасно любила поболтать, но была очень добродушной и славной.

По вечерам, в качестве сказки на ночь, мама рассказывала нам о жизни обитателей богатых особняков, где у каждого ребенка есть своя комната, а мужья придерживаются столь современных воззрений, что предлагают своим женам выпить вместе с ними. Как-то раз она видела, как молодые супруги, поставив на проигрыватель пластинку с джазовой музыкой, принялись танцевать. Это зрелище показалось ей чрезвычайно непристойным, главным образом потому, что оба они топтались по ковру в обуви. С тех пор мама укрепилась в убеждении, что все богатые были малость чокнутыми. Будь у них все в порядке с головой, рассуждала она, они не стали бы бросать в стаканы с выпивкой оливки, протыкать кусочки сыра зубочистками, прежде чем отправить их в рот, и портить грязными башмаками дорожные ковры.

Несколько месяцев мама ходила из дома в дом, а потом нашла постоянную работу. Ее хозяйка оказались известными людьми. Хозяйка, актриса, только что родила первого ребенка, девочку. Что касается ее мужа, мы так никогда и не выяснили, где он работает, знали только, что он очень занят и постоянно находится в разъездах. Мама должна была вести хозяйство и заботиться не только о малышке, но и о молодой матери, которая не слишком успешно справлялась со своей новой ролью. Ребенок постоянно страдал от колик в животе, к тому же обладал капризным нравом и плакал практически без умолку. Мать девочки плакала не меньше, а может быть, даже больше. Она была очень красива: миндалевидные глаза, иссиня-черные волосы, точеный нос, изящные руки, под белоснежной кожей которых проглядывали тонкие голубые жилки. Если бы поклонники увидели ее заплаканной, с распухшим носом и покрасневшими глазами, они наверняка пришли бы в ужас. Но маму переполняло сочувствие к этой женщине, постоянно пребывавшей в тревоге и унынии.

Старуха, которая за мной присматривала, заболела, и маме пришлось брать меня с собой на работу. Пока я играла в одиночестве, мама трудилась не покладая рук, а уллучив момент, потихоньку разбрасывала вокруг кровати хозяйки семена кардамона, дабы защитить ее от джиннов. Когда наступал вечер и на город опускались сумерки, мы садились сначала в автобус, потом в долмаш⁷ и возвращались домой. Так прошел месяц. Мама каждый день ожидала, что хозяева наконец расплатятся с ней, но они словно забыли об этом, а она была слишком застенчива, чтобы напомнить им о деньгах.

Однажды, когда мама готовила, а я играла под столом, на кухню явился хозяин, муж актрисы. От него исходил слабый, но ощутимый запах лосьона после бритья и виски. Глаза его были налиты кровью, и в них плясали какие-то странные огоньки. Не заметив меня, он подошел к маме и обхватил ее за талию.

– Тише, – прошептал он и закрыл ей рот ладонью. – Они спят.

«Они спят. Нас никто не увидит. Они спят. Так что мы можем тоже отправиться в постель. Я куплю тебе много красивых вещей. Платья, туфли, сумочки, золотые сережки... Ты хорошая женщина. Сердце у тебя доброе. Прошу, пожайей меня. Жена никогда не узнает. И твой муж тоже. Все спят. Не подумай, что я какой-нибудь мерзавец. Но я мужчина, и мне требуется то, что нужно всякому мужчине. Моя жена больше не возбуждает меня. С тех пор как у нее появился ребенок, она превратилась в слезливую клушу. Все спят, и никто ничего не узнает».

Мама оттолкнула его; он был так пьян, что не оказал никакого сопротивления. Беспомощно взмахнув руками, он отлетел в сторону, точно тряпичная кукла. Мама одной рукой схватила меня, другой сумочку и вылетела в коридор. Но тут она вспомнила, что у нее нет денег даже на дорогу домой.

– Господин... – выдавила она из себя. – Вы не заплатили мне за месяц работы.

Он встал в дверях, слегка пошатываясь.

– Ты хочешь денег? – На лице его отражалось величайшее изумление.

– Я проработала у вас больше месяца и не...

– Ты грубо обошлась со мной и в довершение хочешь получить деньги? – перебил он, словно ушам своим не веря. – Ну и наглость!

Мы с мамой вылетели из дома. Доехав на автобусе до привычной остановки, остаток пути до дома мы решили пройти пешком. В глазах у мамы стояли слезы, и она не видела, куда несут ее ноги. Постепенно мы оказались в лабиринте незнакомых улиц, ведущих неведомо куда. На улице стемнело. Неожиданно мы вышли на берег моря в том месте, где никогда прежде не бывали. Волны разбивались о громадные черные камни, гряда которых тянулась вдоль кромки воды. Мы долго сидели на камнях, отдыхали и смотрели на огни большого города, совершенно равнодушного к нашим несчастьям.

Заметив среди гальки маленькие морские раковины, я встала и принялась собирать их. Я подошла к самой воде, когда заметила двух мужчин. Они лузгали семечки подсолнуха, оставляя за собой след шелухи, как дети в сказке про Гензеля и Гретель.

– Добрый вечер, сестра, – сказал один из них, подойдя к маме. – Вид у тебя грустный. Почему такая красавица сидит одна в таком пустынном месте в такой поздний час?

– Да, похоже, тебе требуется помощь, – добавил второй.

Мама не ответила. Всхлипывая, она рылась в сумочке в поисках носового платка. Ей попадались все, что угодно: шпильки, ключи от квартиры, неоплаченные счета, орехи, которые она захватила для меня и забыла отдать, фотографии детей, зеркальце, но платок никак не находился.

– У тебя есть где переночевать? – спросил первый. – Хочешь пойти с нами?

⁷ Микроавтобус-маршрутка.

– Мы о тебе отлично позаботимся, – нахально заявил второй.

– Мне не нужна ваша помощь, – ответила мама, и голос ее зазвенел от раздражения. Она повернулась к морю и позвала меня: – Эсма, живо иди сюда!

Мое появление стало для незнакомцев неожиданностью, но они не отстали от нас. Напротив, они молча следовали за нами по пятам. Это была игра. Они ждали, когда у мамы дрогнут нервы и она нарушит молчание. Она долго крепилась, но наконец не выдержала.

– Ну-ка, убирайтесь! – крикнула мама. – Вы что, не видите, что я замужняя женщина?

Во взгляде одного из преследователей мелькнула растерянность, но второй ухмыльнулся и округлил глаза, словно говоря: «Ну и что из этого?»

Мы торопливо шли по слабо освещенным улицам, стараясь избегать особенно темных мест, где деревья полностью заслоняли лунный свет. Прохожих становилось все меньше, машины тоже попадались редко. Пару раз нам встречались женщины, сопровождаемые мужьями или братьями и потому чувствовавшие себя под надежной защитой. Внезапно мы едва не столкнулись с пожилым мужчиной, который вел за руку мальчика.

– Салям алейкум, – сказал он. – У вас какие-то неприятности?

Не дожидаясь маминого ответа, я выпалила:

– Мы заблудились!

Старик понимающе кивнул и улыбнулся мне:

– А где вы живете, милая?

Мама назвала наш район, но из вежливости добавила, что ему нечего волноваться и мы прекрасно доберемся домой сами.

– Вам крупно повезло. Мы с внуком идем туда же.

– Да ты что, дедушка! – возмутился мальчик, который был немного старше меня.

Дедушка сжал его плечо.

– Дорога становится короче, если тебе по пути с другом, – сказал он.

Заметив наших преследователей, он так грозно нахмурился, что они проворно растворились в темноте.

А мы двинулись в сторону нашего дома – я, мама, старик и его внук. Я вдыхала соленый воздух, который ветер приносил с моря. Сердце мое переполняла благодарность к чужим людям, которые неожиданно стали нашими покровителями и защитниками. Когда мы оказались на нашей улице, мама спросила у старика, как зовут его внука.

– Юнус, – с гордостью ответил дед. – Если на то будет воля Аллаха, в следующем месяце он пройдет через обряд обрезания.

– Если Бог подарит мне еще одного сына, я назову его Юнус, – пообещала мама. – Может, он будет так же добр к незнакомым людям, как вы были добры ко мне.

* * *

В подвальной квартире, под окном, за которым стояла непроглядная тьма, нас ждал отец, куря сигарету за сигаретой. Едва услышав, как в замке повернулся ключ, он вскочил на ноги:

– Где вас носило допоздна?

– Нам пришлось идти пешком, – объяснила мама и, повернувшись ко мне, хмуро приказала: – Эсма, сними пальто и иди в свою комнату.

Она вытолкнула меня в коридор и закрыла дверь, хлопнув так сильно, что дверь тут же приоткрылась. Вместо того чтобы идти к себе, я приникла к щелке.

– У меня не было денег на долмаш, – донесся до меня мамин голос.

– Как это – не было денег? Хозяева должны были тебе заплатить!

– Ничего они мне не заплатили. Больше я к ним ходить не буду.

– Это еще почему? – Отец слегка возвысил голос, но на крик не срывался. – Ты прекрасно знаешь, что я должен расплатиться с долгами.

– Зачем мне у них работать, если они не платят?..

Примерно минуту до меня не долетало ни звука. Потом отец вдохнул так громко, словно вынырнул на поверхность из пучины темных вод.

– Ты приходишь домой посреди ночи и плетешь какую-то ерунду! Зря ты считаешь меня идиотом! Где деньги, потаскуха?

На диване валялся скребок для чесания спины. Ярко-желтая увесистая штукавина, сделанная из бараньего рога. В мгновение ока отец схватил его и запустил в маму, которая была так потрясена, что не успела увернуться. Скребок угодил ей в шею и поцарапал кожу так сильно, что кровь хлынула ручьем.

Нет, мой отец Эдим Топрак не имел привычки бить жену и детей. Но когда он выходил из себя, а это случалось нередко, он наполнял воздух ругательствами, исполненными злобы и желчи, и швырял о стены все, что попадалось под руку, задыхаясь от ненависти к миру, который довел его до такого состояния. Думаю, в такие минуты он явственно видел призрак своего отца. Призрак грустно качал головой, сознавая, что в конце концов сын пошел по его стопам.

Коробка пахлав

Деревня поблизости от реки Евфрат, 1961 год

Родившийся и выросший в Стамбуле, Эдим в первый раз покинул этот город, когда ему исполнилось восемнадцать. Взял чемодан, где лежало чистое белье, флакон с лавандовым одеколоном и коробка пахлав, и сел в автобус. Почти сутки спустя, измученный, потерявший представление о времени и пространстве, он вышел в маленьком юго-западном городке, о котором почти ничего не знал. Путешествие пришлось продолжить в кузове грузовика, который доставил Эдима в деревню, расположенную у северных границ Сирии. Неподалеку находилась воинская часть, где вот уже несколько месяцев нес военную службу его старший брат Халил.

За эти месяцы Халил заметно похудел, лицо его загорело под зимним солнцем. Но самое главное, он вел себя совсем не так, как прежде. Глаза его были подернуты задумчивой поволокой, он казался непривычно сдержанным, словно военная форма изменила его характер. Конечно, он был доволен, что младший брат привез ему белье и одеколон, но радость, мелькнувшая в его задумчивом взгляде, тут же исчезла. Эдим засыпал брата вопросами, ведь через год ему тоже предстояло идти в армию. Окончив среднюю школу, он понял, что иного выбора у него нет. Для того чтобы учиться в университете, у него не было ни средств, ни способностей. В армии он станет настоящим мужчиной, а вернувшись, сразу найдет работу и женится. У него будет шестеро детей – три мальчика, три девочки. Именно так он в общих чертах представлял свое будущее.

Когда время свидания истекло, Халил вернулся в свою казарму, а Эдим сел на ослика и потрусил к ближайшей деревне. Вокруг, насколько хватало глаз, расстилалась мерзлая земля цвета овсяной каши. Природа была здесь безрадостной и убогой. Озирая унылый пейзаж, Эдим внезапно вспомнил, что забыл отдать брату коробку пахлав.

Кисмет, подумал он. Может, эта коробка предназначена для кого-нибудь другого.

Добравшись до деревни, Эдим отыскал дом мухтара – деревенского головы. По счастливому совпадению отец Эдима когда-то имел с ним общие дела. Они никогда не встречались, но поддерживали связь через общих друзей. Поэтому, прежде чем отправиться в путь, Эдим послал этому человеку открытку, в которой сообщал о своем скором приезде. Как ни странно, никакого ответа не последовало.

– Открытка? Какая открытка? – крикнул через дверь деревенский голова, когда Эдим постучал в его дверь. – Я ничего не получал!

Тем не менее дверь распахнулась, и перед Эдимом предстал смуглый мужчина, такой высокий, что ему приходилось нагибаться, чтобы переступить через порог. Кончики густых усов загибались вверх, а волосы, судя по всему, были щедро смазаны маслом.

– Я... простите... я пойду... – запинаясь, пробормотал Эдим.

– И куда же ты пойдешь, позволь узнать?

– Я... наверное... я попытаюсь найти...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.